

Джордж Грот

История Греции.
Том 5

Джордж Грот

История Греции. Том 5

«Автор»

2025

Грот Д.

История Греции. Том 5 / Д. Грот — «Автор», 2025

Пятый том «Истории Греции» Джорджа Грота охватывает ключевой период от Марафонской битвы до Никиева мира (490–421 гг. до н. э.), включая Греко-персидские войны и начало Пелопоннесской войны. Грот, опираясь на Фукидида, дает критический анализ возвышения Афин, их морского могущества, внутренних реформ и конфликта со Спартой. Том занимает важное место в историографии как фундаментальное исследование эпохи расцвета греческих полисов, основанное на тщательном разборе источников и подчеркивающее прогрессивную роль Афинской демократии.

© Грот Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пятый том «Истории Греции» Джорджа Грота	5
Текущее содержание глав	7
Глава XXXVIII. ОТ БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ ДО ПОХОДА КСЕРКСА ПРОТИВ ГРЕЦИИ.	16
Глава XXXIX. СОБЫТИЯ В ГРЕЦИИ ОТ МАРАФОНСКОЙ БИТВЫ ДО БИТВЫ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ.	32
Глава XL. СРАЖЕНИЯ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ И АРТЕМИСИИ.	42
Глава XLI. САЛАМИНСКАЯ БИТВА. – ОТСТУПЛЕНИЕ КСЕРКСА.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джордж Грот

История Греции. Том 5

Пятый том «Истории Греции» Джорджа Грота

Этот том, наряду с шестым, составляет детальное исследование эпохи расцвета и начала упадка греческих полисов, заложившей основы западной цивилизации. Грот, следуя точному руководству Фукидида, углубляется в критический разбор событий и предшествующих историографических трактовок, что заставляет его превзойти первоначальный план и завершить том на Никиевом мире, отложив последующие события для седьмого тома. В историческом контексте середина XIX века, когда создавался труд, характеризуется ростом интереса к демократическим институтам и классическому наследию, что отразилось на подходе Грота. Его оценка этого периода подчеркивает прогрессивный дух Греции, действующий через инициативу Афин, и значение морского могущества, предложенного Фемистоклом, для спасения не только Афин, но и всей Греции. Грот детально анализирует ключевые события: Марафонскую битву, где греки под командованием Мильтиада одержали победу над персами; Греко-персидские войны, включая битвы при Фермопилах, Саламине и Платеях, остановившие вторжение Ксеркса и приведшие к созданию Делосского союза; расцвет Афин при Перикле, ознаменованный развитием демократии, философии и искусства; и начало Пелопоннесской войны, где Никиев мир представлен как временное перемирие. Особое внимание Грот уделяет внутренним политическим процессам в Афинах, конституционным и судебным изменениям при Перикле, учреждению демократических дикастерий и ограничению власти ареопага, что, по его мнению, способствовало интеллектуальному развитию граждан. В оценке Грота, Афины выступают как двигатель прогресса, а их империя, выросшая из Делосского союза, несмотря на растущую непопулярность, имела заслуги в защите эллинского мира. Труд Грота занимает видное место в историографии как один из первых комплексных критических анализов греческой истории, основанный на тщательном изучении источников и стремлении понять внутреннюю логику событий, свободный от излишнего морализаторства, присущего некоторым предшественникам. Его работа заложила основы современного научного подхода к изучению Древней Греции.

Истории Греции от Марафонской битвы до Никиева мира

Период от Марафона до Никиева мира – эпоха расцвета и упадка греческих полисов, заложившая основы западной цивилизации. Этот период заложил фундамент западной культуры, чьи идеи и институты продолжают влиять на мир и сегодня.

1. Марафонская битва (490 г. до н.э.)

– Решающее сражение между персами и афинянами в ходе Персидских войн.

– Греки под командованием Мильтиада одержали победу, несмотря на численное превосходство персов.

2. Греко-персидские войны (500–449 гг. до н.э.)

– Включают ключевые битвы: Фермопилы (480 г. до н.э.), Саламин (480 г. до н.э.), Платеи (479 г. до н.э.).

– Объединённые силы греческих полисов (Афины, Спарта) остановили вторжение Ксеркса.

– Афины создали Делосский союз (477 г. до н.э.), укрепив своё морское влияние.

3. Расцвет Афин и Перикла (V век до н.э.)

– «Золотой век» Афин: развитие демократии, философии, искусства (Парфенон).

– Усиление конфликта со Спартой из-за роста афинской власти.

4. Пелопоннесская война (431–404 гг. до н.э.)

- Противостояние Афин (Делосский союз) и Спарты (Пелопоннесский союз).
- Никиев мир (421 г. до н.э.) – временное перемирие, но война возобновилась.
- Окончательная победа Спарты (404 г. до н.э.), ослабление Афин.

Предисловие к V тому

Томы V и VI.

От Марафонской битвы до Никиева мира.

490–421 гг. до н. э.

Я предполагал довести повествование в этих двух томах до начала великой афинской экспедиции против Сиракуз.

Однако изложение событий, особенно теперь, когда мы следуем точному руководству Фукидида, – а также разбор некоторых вопросов, в которых я расхожусь во взглядах с моими предшественниками, – заняли больше места, чем я ожидал. Мне пришлось увеличить шестой том сверх обычного объёма, чтобы дойти хотя бы до Никиева мира.

Таким образом, период смут и частичных военных действий, последовавший за этим миром и предшествовавший афинской экспедиции, будет отнесён к началу моего седьмого тома, выход которого не заставит себя долго ждать.

Дж. Г.

Декабрь 1848 г.

Текущее содержание глав

Часть II. Продолжение истории Греции.

Глава XXXVIII. ОТ МАРАФОНСКОЙ БИТВЫ ДО ПОХОДА КСЕРКСА ПРОТИВ ГРЕЦИИ.

Решимость Дария вторгнуться в Грецию вторично. Его смерть. – Преемник – его сын Ксеркс. – Восстание и повторное завоевание Египта персами. – Безразличие Ксеркса к вторжению в Грецию – лица, советовавшие и подстрекавшие его – использованные ими методы убеждения – пророчества, представленные Ономакритом. – Ксеркс решает вторгнуться в Грецию. – Исторический метод и концепция Геродота. – Ксеркс объявляет свой проект собранию персидских советников – Мардоний и Артабан, злой и добрый гении. – Ксеркс под влиянием Артабана отказывается от своего замысла – его повторяющиеся сны – божественное повеление вторгнуться в Грецию. – Религиозное восприятие последовательности исторических событий – общее как для персов, так и для греков. – Огромные приготовления Ксеркса – Поход Ксеркса из глубины Азии – сбор вторгающейся армии в Сардах – его многочисленный флот и крупные запасы провизии, заготовленные заранее. – Он наводит мост из лодок через Геллеспонт. – Мост разрушен бурей – Гнев Ксеркса – он казнит строителей и наказывает Геллеспонт. – Замечания по поводу этого рассказа о наказании Геллеспонта: нет достаточных оснований сомневаться в его достоверности. – Восстановление моста – его подробное описание. – Ксеркс прорывает судоходный канал через перешеек горы Афон. – Превосходный ум финикийцев. – Применение кнута к рабочим, занятым на строительстве канала – впечатление, произведённое этим на греков. – Мост из лодок через Стримон. – Поход Ксеркса из Сард – расположение его армии. – История богатого каппадокийца Пифия – его сын казнён по приказу Ксеркса. – Поход к Абидосу – уважение, проявленное Ксерксом к Илиону. – Ксеркс и его армия переправляются через мосты у Геллеспонта. – Поход к Дориску во Фракии, близ устья Гебра – здесь к нему присоединяется флот. – Смотр и перекличка на равнине Дориска – невероятное разнообразие собравшихся народов. – Подсчёт численности армии – применённый метод. – Огромные и невероятные итоги, приведённые Геродотом. – Комментарии к свидетельству Геродота и к нему самому как свидетелю и судье. – Другие свидетельства о численности персов. – Ксеркс проводит смотр сухопутных сил и флота в Дориске – его беседа со спартанским царём Демаратом. – Поход Ксеркса от Дориска на запад вдоль Фракии. – Побои, наложенные на греческие города на побережье Фракии – особенно на Фасос и Абдеру. – Ксеркс переходит Стримон – направляется к Аканфу – усердие аканфян в отношении канала через Афон. – Поход Ксеркса к Ферме – его флот присоединяется к нему в Термейском заливе. – Благоприятные перспективы вторжения – рвение македонского князя помочь Ксерксу.

Глава XXXIX. СОБЫТИЯ В ГРЕЦИИ ОТ БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ ДО ВРЕМЕНИ БИТВЫ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ.

Жестокие действия и смерть Клеомена, царя Спарты. – Жалоба эгинетов в Спарте на Клеомена и Леотихида по поводу заложников, взятых этими двумя царями с Эгины. – Спартанцы выдают Леотихида эгинетам, которые требуют, чтобы он отправился с ними в Афины для возвращения заложников. – Отказ афинян выдать заложников – ответные меры эгинетов. – Эгинетянин Никодром разрабатывает план демократического переворота на Эгине в союзе с Афинами – движение терпит неудачу. – Обращение с побеждёнными заговорщиками – святотатство. – Афиняне высаживают войско на Эгине – начинается война. – Влияние этой войны на решение афинян увеличить свои военные силы. – Фемистокл и Аристид, главные деятели Афин – ожесточённое соперничество между ними. – Изгнание последнего посредством ostracism. – Преобразование Афин из сухопутной державы в морскую, предложенное и продвигаемое Фемистоклом. – Взгляды и дальновидные расчёты Фемистокла – в это время он был

для своей страны важнее Аристиды. – Флот Афин – спасение не только их самих, но и всей Греции. – Ценный фонд, впервые доступный Афинам благодаря серебряным рудникам Лаврия в Аттике. – Фемистокл убеждает афинский народ отказаться от раздела этих средств и использовать их для постройки дополнительных кораблей. – Приготовления Ксеркса – известные в Греции заранее. – Послы Персии, требующие от греческих городов земли и воды – многие из них соглашаются и подчиняются. – Общегреческий конгресс, созванный совместно Афинами и Спартой на Истме Коринфском. – Важное влияние на греческое сознание. – Последствия конгресса в улаживании распрей между греками – особенно между Афинами и Эгиной. – Тревога и недоверие, распространившиеся по всей Греции. – Ужас, внушённый ответом Дельфийского оракула афинским послам. – Слова оракула страшны, но неясны: усилия афинян истолковать их: изобретательность и успех Фемистокла. – Великий и подлинный общегреческий патриотизм афинян – твёрдо засвидетельствованный Геродотом как его собственное мнение. – Нежелание или неспособность значительной части греков сопротивляться персам. – Двусмысленный нейтралитет Аргоса. – Различные истории, ходившие в Греции об Аргосе – мнение Геродота. – Отказ или уклончивость критян и керкирян. – Посольство к Гелону в Сиракузы – его ответ. – Греческое войско отправлено в Фессалию, чтобы защитить [стр. vii] ущелье Темпе от Ксеркса. – По прибытии они понимают, что удержать его невозможно, и отступают. – Последствия этого отступления – фессалийцы и почти вся Эллада севернее Киферона либо подчиняются Ксерксу, либо колеблются.

Глава XL. БИТВЫ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ И АРТЕМИСИИ.

Обязательство, взятое на себя греческими союзниками против тех греков, которые присоединились к персам. – Решение защищать Фермопилы, а также прилегающий пролив Эвбеи. – Фермопильское ущелье и его окрестности. – Греки занимают позиции у Фермопил – Леонид, царь Спарты, ведёт туда войско – объединённый флот под командованием Эврибиада занимает эвбейский пролив. – Численность и состав войска Леонида. – Фокейцы и локры. – Олимпийские и Карнейские празднества – греки не могли заставить себя отложить их даже перед лицом такой опасности. – Тропа через гору Эту, позволявшая обойти Фермопилы – Леонид узнаёт о ней только по прибытии на место – фокейцы берутся её защищать. – Численность и состав греческого флота у Артемисия. – Три триеры греческого флота отправлены вперёд как разведчики – их первая стычка с персидским флотом. – Захват этих трёх триер – паника в основном греческом флоте, который покидает Артемисий и отступает к Халкиде. – Серьёзная угроза греческому плану обороны – их спасает страшная буря. – Движения Ксеркса из Ферм. – Он прибывает с войском на Малийскую землю, вплотную к Фермопильскому проходу. – Наступление персидского флота – его настигает разрушительная буря у побережья Магнесии. – Огромный ущерб, нанесённый бурей. – Воодушевление греческого флота – они возвращаются из Халкиды к Артемисию. – Задержка Ксеркса с сухопутными силами у Трахиса. – Впечатления Ксеркса о защитниках Фермопил – разговор с Демаратом, которому он не верит. – Сомнения в мотивах, приписываемых Геродотом Ксерксу. – Первая атака на Фермопилы – проведена мидийскими войсками – отбита. – Повторные атаки лучших войск персидской армии, все отражены с большими потерями. – Затруднительное положение Ксеркса – его выручает известие о горной тропе. – Персидский отряд под командованием Гидарна проходит по горной тропе, оттеснив фокейских стражей. – Они оказываются в тылу у Леонида. – Спор среди защитников Фермопил, когда стало известно о приближении персов с тыла. – Решение Леонида остаться и погибнуть в ущелье. – Триста спартанцев вместе с феспийцами остаются с Леонидом: остальные отступают. – Сомнения насчёт фиванского контингента. – Последний бой и гибель Леонида и его отряда. – Отличившиеся воины – презрение к Аристодему, который не сражался. – Судьба фиванского контингента. – Впечатления Ксеркса после боя – совет, данный ему Демаратом – он отвергает его. – Действия двух флотов, у Артемисия и Афет – тревога в греческом флоте – Фемистокл убеждает их остаться и сражаться по насто-

янию эвбейцев. – Важная заслуга Фемистокла. – Уверенные надежды персидского флота – они отправляют эскадру, чтобы обойти Эвбею и зайти грекам в тыл. – Морское сражение при Артемисии – преимущество на стороне греков. – Вторая буря – ещё больший урон персидскому флоту и гибель отряда, посланного вокруг Эвбеи. – Повторное сражение у Артемисии – без решительного исхода – но греческий флот решает отступить. – Они отступают сразу после известия о поражении при Фермопилах – направляются к Саламину. – Наступление персидского флота на Эвбею – манёвры, приписываемые Ксерксу в отношении тел павших при Фермопилах – Число погибших с обеих сторон. – Последующие памятные надписи. – Выразительный эпиграмма Симонида.

Глава ХLI. БИТВА ПРИ САЛАМИНЕ. – ОТСТУПЛЕНИЕ КСЕРКСА.

Ужас и замешательство греков сразу после битвы при Фермопилах. – Отсутствие дальнейшего плана обороны – невозможность найти новую позицию для защиты Аттики – пелопоннесцы спешно укрепляют Коринфский перешеек. – Безвыходное положение афинян – ещё не приняты меры для эвакуации семей из Аттики. – Афиняне покидают Аттику, перевозят семьи и имущество на Саламин, Эгину, Трезен и другие места. – Неизбежная спешка и страдания беженцев. – Энергия афинян и единодушие их лидеров – Фемистокл предлагает вернуть из изгнания Аристид. – Численность и состав объединённого греческого флота у Саламина. – Ксеркс занимает Афины и Аттику – персидский флот входит в Фалерскую гавань. – Персидская армия опустошает фокидские земли на пути от Фермопил к Аттике – разграбление храма в Абах. – Отряд персов направлен против Дельфийского храма. – Провал, бегство и гибель этого отряда. – Ксеркс с Писистратидами в Афинах – акрополь держится – его захват и разорение. – Искупительное посещение Писистратидами разорённого акрополя. – Ксеркс проводит смотр флота в Фалере – дебаты о целесообразности морского сражения у Саламина – благоразумный совет царицы Артемисии. – Ксеркс принимает решение дать бой у Саламина.

Разногласия среди греков в саламинском флоте. Решение отвести флот к Истму. – Катастрофические последствия, если бы это решение было исполнено. – Фемистокл выступает против, убеждает Еврибиада и добивается пересмотра решения. – Снова созывается совет греческих военачальников – Фемистокл пытается отменить прежнее решение – пелопоннесцы настаивают на своём – горячие споры. – Угроза Фемистокла увести афинскую эскадру, если битва не состоится у Саламина – Еврибиад берёт на себя ответственность за это решение. – Пелопоннесские командиры временно замолкают, но позже отказываются подчиниться. Третий совет – новые споры; большинство против Фемистокла и настаивает на отступлении к Истму. – Отчаянная хитрость Фемистокла – он тайно отправляет к Ксерксу послание, убеждая его окружить греческий флот ночью и сделать отступление невозможным. – Нетерпеливое стремление Ксеркса не дать грекам уйти – его флот окружает греков под покровом темноты. – Аристид ночью прибывает к греческому флоту с Эгины – сообщает командирам, что они окружены персами и бегство невозможно.

Позиция Ксеркса – расстановка флотов и план атаки. – Битва при Саламине – замешательство и полный разгром персов. – Отчаянная храбрость царицы Артемисии. – Ожидания греков, что битва возобновится – страх Ксеркса за собственную безопасность – он отправляет флот обратно в Азию. – Ксеркс решает лично вернуться в Азию – совет и предложение Мардония, который остаётся командующим для завершения завоевания Греции. – Греки преследуют персидский флот до Андроса – вторая хитрость Фемистокла через тайное послание Ксерксу. – Фемистокл с флотом – собирает дань на Кикладах. – Ксеркс покидает Аттику и возвращается сушей с основной частью армии. – Тяжёлый марш отступления Ксеркса к Геллеспонту – страдания его войск. Он находит мост разрушенным и переправляется в Азию на кораблях. – Радость греков – распределение наград и почестей. – Почести, возданные Фемистоклу.

Глава ХLII. БИТВЫ ПРИ ПЛАТЕЯХ И МИКАЛЕ. – ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ИЗГНАНИЕ ПЕРСОВ.

Персидский флот, отступив из Греции, зимует в Киме, а весной собирается у Самоса. – Греческий флот весной собирается у Эгины. – Большинство медизировавших греков остаются верны Мардонию – восстание Потидеи – безуспешная осада её Артабазом. – Мардоний, перезимовав в Фессалии, возобновляет действия весной в Беотии. Он советуется с беотийскими оракулами. – Мардоний отправляет Александра Македонского в Афины с предложением почётно-го мира. – Искушение афинян принять это предложение – опасения лакедемонян, что они согласятся – спартанские послы спешат в Афины, чтобы предотвратить это. – Решительный ответ афинян и их намерение продолжать войну, несмотря на тяжёлые лишения. – Эгоистичное равнодушие Спарты и пелопоннесцев к судьбе Афин. – Спартанцы, укрепив Истм, оставляют Аттику без защиты: Мардоний вторично занимает Афины. – Вторая эвакуация афинян на Саламин – их горькое разочарование и гнев на Спарту за предательство. – Второе предложение Мардония афинянам – снова отвергнуто – их непоколебимая решимость. – Афиняне отправляют протест в Спарту – неблагородная медлительность спартанцев. – Большое спартанское войско собирается под командованием Павсания у Истма. – Мардоний, опустошив Аттику, отступает в Беотию.

Упадок духа в армии Мардония: Терсандр из Орхомена на пиру; раздоры между Мардонием и Артабазом, его заместителем – рвение и усердие фиванцев. – Численность греческого войска под началом Павсания. – Поход Павсания через Киферон в Беотию. – Он атакован персидской конницей Масистия и терпит большие неудобства – превосходство афинян в борьбе с конницей – Масистий убит. – Греки покидают защищённые горные позиции и занимают новую линию ближе к Платеям, вдоль Асопа. – Мардоний меняет расположение, вставая напротив греков по другую сторону Асопа. – Нежелание обеих армий начинать атаку – прорицатели с обеих сторон отговаривают от первого удара. – Мардоний беспокоит греков конницей и перерезает их тыловые коммуникации. – Нетерпение Мардония – вопреки возражениям Артабаза и других командиров он решает начать генеральное сражение: пытается доказать, что предсказания благоприятны. – Его намерения становятся известны афинянам ночью через Александра Македонского. – Павсаний меняет местами в линии спартанцев и афинян. – Мардоний снова атакует их конницей.

Из-за действий персидской конницы Павсаний решает отступить ночью на «Остров». – Хаос в греческой армии при ночном манёвре. – Отказ спартанского лохага Амомфарета подчиниться приказу о ночном марше. – Недоверие афинян к Павсанию и спартанцам. – Павсаний отступает без Амомфарета, но тот вскоре присоединяется. – Изумление Мардония, обнаружившего, что греки отступили ночью – он преследует и атакует их в беспорядочной ярости. – Битва при Платеях. – Необычайная храбрость персов – их полный разгром, гибель Мардония. – Афиняне на левом фланге разбивают фиванцев. – Артабаз с крупным персидским отрядом бросает сражение и уходит из Греции – остатки персидской армии закрепляются в укреплённом лагере. – Незначительная часть войск с обеих сторон, реально участвовавшая в битве. – Греки штурмуют и захватывают лагерь. – Потери с обеих сторон. – Похоронные обряды греков – памятники – тело Мардония – раздел добычи. – Павсаний требует выдачи фиванских вождей – те сдаются и казняются. – Награды и отличия среди греческих воинов. – Почтение к Платеям как месту победы и к платейцам: установлены ежегодные торжества в честь павших. – Победители постановляют создать постоянный общегреческий союз с собраниями в Платеях.

Действия греческого флота: он движется на помощь Самосу от персов. – Персидский флот оставляет Самос и отступает к Микале в Ионии. – Подозрения персидских командиров в ненадёжности ионийцев. – Греки высаживаются, чтобы атаковать персов на суше – перед битвой в их умах возникает вест о победе при Платеях, одержанной их соотечественниками в то же утро. – Битва при Микале – восстание ионийцев в персидском лагере – полный разгром персов. – Отступление разбитой персидской армии к Сардам. – Нежелание спартанцев принять ионийцев в союз – предложение переселить их через Эгейское море в Западную Гре-

цию – отвергнуто афинянами. – Греческий флот плывёт к Геллеспонту: спартанцы возвращаются домой, а афиняне остаются для атаки Херсонеса. – Осада Сеста – ненависть херсонеситов к Артаикту. – Взятие Сеста – распятие Артаикта. – Возвращение флота в Афины.

Глава XLIII. СОБЫТИЯ В СИЦИЛИИ ДО ИЗГНАНИЯ ДИНАСТИИ ГЕЛОНИДОВ И УСТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНЫХ ПРАВЛЕНИЙ НА ОСТРОВЕ.

Акрагант и Гела превосходили Сиракузы до 500 г. до н. э. – Фаларис, тиран Акраганта. – Сиракузы в 500 г. до н. э. – олигархическое правление под властью Гамори, привилегированных потомков первоначальных колонистов-землевладельцев – Демос – Киллирии, или зависимые земледельцы. – Ранние формы правления [стр. xi] греческих городов Сицилии – первоначальные олигархии во многих местах свергнуты тиранами – неудачная попытка колонизации спартанского царевича Доризя. – Клеандр, тиран Гелы, около 500 г. до н. э. – Первое возвышение Гелона и Энесидема на его службе. Телин, первый известный предок Гелона. – Гелон – занимает высокую должность среди наёмников Гиппократ, тирана Гелы. – Судьба ионийского города Занклы, позднее Мессины – захват города самосцами – действия Гиппократ. – Гиппократ одерживает победу над сиракузянами – захватывает Камарину – умирает. – Гелон становится тираном Гелы вместо него. – Величие Гелона – он овладевает Сиракузами и переносит свою столицу из Гелы в Сиракузы. – Завоевание Гелоном различных сицилийских городов – он переселяет олигархов в Сиракузы, а демос продаёт в рабство. – Рост могущества и населения Сиракуз при Гелоне – город становится первым в Сицилии. – Власть Гелона, когда к нему обратились послы Спарты и Афин с просьбой о помощи в 481 г. до н. э. – Планы Гелона по укреплению эллинизма в Сицилии против варварских влияний. – Спартанские и афинские послы обращаются к Гелону – его ответ. – Карфагенское вторжение в Сицилию, совпавшее с вторжением Ксеркса в Грецию. – Карфагенская армия под командованием Гамилькара осаждает Гимеру – битва при Гимере – полная победа Гелона. – Верховенство Гелона в Сицилии – он предоставляет мир карфагенянам. – Поведение Гелона по отношению к союзным грекам, сражавшимся против Ксеркса. – Число пленников, взятых в битве при Гимере и распределённых среди карфагенских городов – их процветание, особенно Акраганта. – Смерть и погребение Гелона. – Число новых граждан, которых Гелон ввёл в Сиракузах. – Гиерон, брат и преемник Гелона в Сиракузах – ревность к брату Полизалу – суровость правления – конфликт между Гиероном Сиракузским и Фероном Акрагантским – улажен поэтом Симонидом. – Жестокое обращение Ферона с жителями Гимеры. – Могущество и деяния Гиерона – против карфагенян и тирренов – против Анаксилая – он основывает город Этну – новое массовое переселение жителей – похвалы Пиндара. – Смерть Анаксилая Регийского и Ферона Акрагантского. Фрасидей, сын Ферона, правит Акрагантом и Гимерой. Его жестокое правление – он разбит Гиероном и изгнан. – Великое могущество Гиерона после поражения Фрасидея – его смерть. – Фрасибул, брат и преемник Гиерона – раздоры в семье Гелопидов. – Жестокость и непопулярность Фрасибула – мятеж против него в Сиракузах. – Изгнание Фрасибула и конец династии Гелопидов. – Народные правления установлены во всех сицилийских городах – беспорядки и споры из-за новых граждан и наёмников, поселенных Гелопидами. – Внутренние раздоры и столкновения в Сиракузах. – Поражение гелонян – Сиракузы становятся единым народным государством, единым городом, единой крепостью. – Беспорядки в других сицилийских городах из-за возвращения изгнанников, лишённых прав при Гелопидах. Катана и Этна. – Общий съезд и компромисс – изгнанники получают земли – Камарина вновь восстановлена как автономный город. – Реакционные настроения против прежней тирании и в пользу народного правления в Сиракузах и других городах. – Итальянские греки – сокрушительное поражение жителей Тарента и Регия.

Глава XLIV. ОТ БИТВ ПРИ ПЛАТЕЯХ И МИКАЛЕ ДО СМЕРТИ ФЕМИСТОКЛА И АРИСТИДА.

Причины позорного отступления Ксеркса из Греции – его собственные недостатки – низкое качество и вялость большей части его армии. – Тенденция преувеличивать героизм греков. – Сравнение вторжения Ксеркса в Грецию с последующим вторжением Александра Македонского в Персию. – Отсутствие прогресса в военном деле у персов за 150 лет – значительный прогресс у греков. – Прогрессивный дух в Греции – действующий через инициативу Афин. – Поведение Афин в отражении персов – их положение, настроение и влияние после этих событий. – Действия афинян по восстановлению своего города – ревнивые препятствия со стороны пелопоннесцев. – Стратегема Фемистокла, чтобы дать афинянам возможность укрепить город. – Афины укреплены – замешательство спартанцев – разочарование союзников. – Влияние этой попытки вмешательства на настроения афинян. – Расширение стен Афин. – Грандиозные планы Фемистокла по усилению морского могущества города – укрепленный город и гавань в Пирее – запланированы огромная высота и толщина стен. – Преимущества расширенной и укрепленной гавани – рост метеков и торговли в Афинах. – Решение строить двадцать новых триер ежегодно. – Поход объединенного греческого флота против Азии под командованием спартанца Павсания – захват Византия. – Дурное поведение Павсания – отказ союзников подчиняться ему – его предательская переписка с Ксерксом. – Павсаний, получив заверения помощи от Ксеркса, становится ещё более невыносимым. Он отозван в Спарту. – Союзники передают верховное командование от Спарты Афинам. – Важность этого изменения в отношениях греческих государств. – Тенденция спартанских царей развращаться на чужбине – Леотихид. – Мгновенное панэллинское единство под началом Спарты сразу после отражения Ксеркса – теперь распавшееся и перешедшее в раскол с двумя партиями и лидерами, Спартой и Афинами. – Действия Афин в качестве лидера – хорошее поведение Аристиды. – Создание Делосского союза под предводительством Афин – общие собрания союзников на острове Делос. – Размер взносов союза и его членов, установленный Аристидом – определённые обязательства в кораблях и деньгах – общая сумма – Элленотамии. – Быстрый рост, ранний масштаб Делосского союза: добровольное присоединение членов. – Состояние и могущество Персии во время образования Делосского союза. – Поведение Павсания после отстранения от командования – он продолжает свои предательские замыслы в союзе с Персией. – Он отозван в Спарту – заключён под стражу – предан суду – пытается спровоцировать илотов на восстание. – Его разоблачают благодаря показаниям раба – недоверие или страх эфоров. – Его арест и смерть – искупление осквернения святыни. – Фемистокл оказывается замешан в раскрытом предательстве Павсания. – Положение Фемистокла в Афинах – тенденции партий и политики. – Влияние событий Персидской войны на политические настроения афинян – стимул к демократии. – Изменение клисфеновской конституции – все граждане без исключения получают доступ к должностям: сначала всеобщая избираемость и выборы магистратов – затем жеребьёвка. – Усиление власти стратегов [стр. xiii] – изменение функций и уменьшение значения архонтов. – Расширение администрации Афин – назначение новых должностных лиц – распределение между Афинами и Пиреем. – Политическая карьера и шаткое положение Фемистокла – ожесточённые соперники против него – Кимон, Алкмеон и др. – Его уязвимость к обвинениям в коррупции. – Фемистокла обвиняют в принятии взяток от Персии – оправдан в Афинах. – Усиление вражды между ним и его политическими противниками после оправдания. Он подвергается ostracism. – Во время изгнания спартанцы выдвигают против него обвинение в измене. – Бегство и приключения Фемистокла. – Фемистокл перебирается в Азию и ищет убежища у персидского царя. – Рассказы об отношениях между персидским царём и Фемистоклом. – Реальное обращение с Фемистоклом в Персии. – Влияние, которое он приобретает у персидского царя. – Большая награда, которую он получает – Его смерть в Магнезии. – Смерть Аристиды – его бедность.

Глава XLV. ДЕЙСТВИЯ СОЮЗА ПОД ГЛАВЕНСТВОМ АФИН. – ПЕРВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И БЫСТРОЕ РАСШИРЕНИЕ АФИНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Последствия образования Делосского союза. – Разделение греческой политики между Спартой и Афинами. – Различие между Делосским союзом под предводительством Афин и Афинской империей, возникшей из него. – Склонность смешивать эти два понятия и приписывать Афинам далеко идущие честолюбивые планы. – Первые годы после образования Делосского союза были для Афин временем активных усилий. – Наше скудное знание о них. – Необходимость продолжать борьбу с персами даже после битв при Платеях и Микале. Эта необходимость стала причиной как добровольного создания Делосского союза, так и морского усиления Афин. – Делосский союз – скреплён клятвой всех участников – вечный и безусловный – не допускающий выхода или уклонения. – Принудительная санкция Афин, строго осуществляемая в согласии с общим синодом. – Постепенное изменение в отношениях союзников – замена личной службы денежными взносами, требовавшаяся самими союзниками, соответствовавшая интересам и настроениям Афин. – Перемена в положении и в настроениях Афин. – Растущая непопулярность Афин во всей Греции – её причины. – Делосский синод – постепенно теряет значение и исчезает. – Преимущества и заслуги афинян по сравнению с прочими членами Делосского союза. – Первый сбор дани, установленный Делосским синодом – оценка Аристида. – События между 476–466 гг. до н. э. – Эион – Скирос – Карист. – Афины как защитники Эгейского моря от пиратов. – Герой Тезей. – Первый мятеж среди членов Делосского союза – Наксос восстаёт и вновь покорён. – Действия Афин и союза против Персии. – Поражение персов Кимоном при реке Эвримедон. – Восстание Фасоса против Делосского союза. – Осада Фасоса афинянами под командованием Кимона. – Рудники во Фракии. – Первая попытка Афин основать город при Эннеа Годой на Стримоне выше Эиона. Попытка проваливается, поселенцы перебиты. – Подчинение Фасоса после двухлетней блокады – он разоружён и лишён укреплений. – Обращение фасосцев к Спарте за помощью – помощь обещана, но не оказана – намёк на враждебность между Спартой и Афинами. – Суд и оправдание Кимона в Афинах. – Значительное усиление афинской мощи.

События в Средней Греции между 470–464 гг. до н. э. Фивы и беотийские города. Упадок влияния Фив. – Спарта восстанавливает и поддерживает господство Фив над малыми беотийскими городами. – События в Пелопоннесе – Аркадия – Элида и др. – Ужасное землетрясение в Спарте, 464 г. до н. э. – Восстание илотов. – Лакедемоняне призывают союзников на помощь против восставших илотов. – Поход афинян под командованием Кимона в Лаконию для оказания помощи. – Недоверие, возникшее у лакедемонян к афинским союзникам, которые были отосланы из Лаконии. Недовольство и перемена политики в Афинах. – Афины разрывают союз со Спартой и заключают союз с Аргосом. Положение Аргоса – его завоевание Микен и других городов. – Мегара становится союзницей Афин. Растущая ненависть Коринфа и соседних пелопоннесских государств к Афинам. – Энергичные одновременные действия афинян – на Кипре, в Финикии, Египте и Греции – они строят первую «Длинную стену» от Мегары до Нисеи. – Война Афин против Коринфа, Эгины и др. Полный разгром эгинского флота. – Афиняне осаждают Эгину – коринфяне, эпидаврийцы и др. разбиты афинянами под командованием Миронида. – Проект Длинных стен между Афинами и Пиреем – поддержан Периклом, отвергнут Кимоном – политические распри в Афинах – важность Длинных стен. – Поход лакедемонян в Беотию – они восстанавливают господство Фив. – Намерение спартанской армии в Беотии угрожать Афинам и поддержать афинскую олигархическую партию, выступавшую против Длинных стен. – Битва при Танагре – поражение афинян. – Последствия битвы – великодушное поведение Кимона – он возвращён из изгнания. – Компромисс и примирение между соперничающими лидерами и партиями в Афинах. – Победа при Энофитах, одержанная афинянами – они приобретают господство над всей Беотией, Фокидой и Локридой. – Завершение строительства Длинных стен. – Завоевание Эгины, которая разоружена, лишена укреплений и обложена данью. – Афиняне впервые обплывают Пелопоннес – их операции в Коринфском заливе. – Поражение и потери афинян в Египте. – Восставшие илоты в Лаконии капитули-

руют и покидают страну. – Пятилетнее перемирие между Афинами и лакедемонянами, заключённое благодаря влиянию Кимона. – Новые экспедиции Кимона против Персии. – Смерть Кимона на Кипре – победы афинского флота – его возвращение. – Больше афиняне не предпринимали походов против Персии – между ними заключено соглашение. – Ошибки и преувеличения относительно этого соглашения – сомнения в его исторической достоверности. Обсуждение этих сомнений – подтверждающие намёки у Фукидида. – Фукидид, сын Мелесия, сменяет Кимона как главный противник Перикла. – Перенос общего фонда союза с Делоса в Афины. – Постепенное превращение союза в Афинскую империю. – Перенос фонда был предложен самосцами. – Положение Афин с многочисленными союзами как сухопутных, так и морских государств. – Начало неудач и упадка могущества Афин. – Восстание Беотии против Афин – поражение афинян при Коронее – они покидают Беотию. – Восстание Фокиды, Локриды, Эвбеи и Мегары: вторжение пелопоннесцев в Аттику под предводительством спартанского царя Плейстоанакта. – Эвбея вновь завоёвана Периклом. – Унижение и уныние Афин. – Заключение Тридцатилетнего перемирия. – Ослабление афинской мощи. – Вражда между Афинами и Мегарой.

Глава XLVI. КОНСТИТУЦИОННЫЕ И СУДЕБНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АФИНАХ ПРИ ПЕРИКЛЕ.

Первое установление демократической судебной системы в Афинах. – Объединение административных и судебных функций в одних руках в ранних Афинах – значительные полномочия магистратов, а также ареопага. – Магистраты, как правило, состоятельные люди – олигархические тенденции ареопага – рост демократических настроений среди большинства граждан. – Политические партии в Афинах. – Перикл и Эфиальт – демократы: Кимон – олигарх или консерватор. – Демократические дикастерии, или суды присяжных, учреждённые Периклом и Эфиальтом. – Как были организованы эти дикастерии. – Введение и регулярная выплата жалования дикастам. – Магистраты лишены судебных и ограничены административными функциями.

Ареопаг – его древность – полурелигиозный характер – широкая и неопределённая контролирующая власть. – Обширные полномочия ареопага, частично злоупотребляемые, стали противоречить настроениям народа после Персидского вторжения. – Новые интересы и тенденции, развивавшиеся тогда в Афинах. – Ареопаг – центр действий консервативной партии и Кимона. – Противостояние между Кимоном и Периклом – унаследованное от их отцов. – Характер и деятельность Перикла. – Сдержанность, философские и деловые привычки Перикла – его малое стремление заискивать перед народом – меньший демагог, чем Кимон. – Эфиальт, принадлежавший к демократической партии и изначально равный по влиянию Периклу.

Усилия Эфиальта против злоупотреблений магистратов. – Кимон и его партия, более влиятельные, чем Эфиальт и Перикл, до момента, когда афинские войска были отозваны из Лакедемона. – Остракизм Кимона. – Меры, проведённые Эфиальтом и Периклом для ограничения власти ареопага, а также отдельных магистратов. – Учреждение оплачиваемых дикастерий. – Разделение судебных и административных функций. – Убийство Эфиальта консервативной партией. – Начало великого возвышения Перикла после смерти Эфиальта. Компромисс между ним и Кимоном. – Блестящий успех Афин и эпоха их максимального могущества.

Другие конституционные изменения. – Номофилаки. – Номотеты – различие между законами и псефизмами, или особыми постановлениями – процесс принятия и отмены законов. – Процедура создания или отмены законов уподоблялась судебному разбирательству. – Графе параномон – обвинение против автора незаконных или неконституционных предложений. – Действие графе параномон. – Консервативный дух, в котором она была создана. – Ограничение новых предложений и неограниченной инициативы каждого гражданина. – Злоупотребле-

ние графе параномон впоследствии. – Она часто использовалась как простой способ отмены существующего закона – без личных претензий к его автору.

Численность и жалование дикастов, установленные Периклом. – Афинская демократия, созданная Периклом, оставалась в основном неизменной вплоть до потери Афинами независимости – за исключением временных перерывов при Четырёхстах и Тридцати. – Работа многочисленных дикастерий – их большая численность необходима для исключения подкупа или запугивания – подверженность отдельных магистратов коррупции. – Афинские дикастерии представляли собой суд присяжных в самом широком масштабе – демонстрируя как его достоинства, так и [р. xvi] недостатки в преувеличенной форме. – Похвалы, обычно воздаваемые теории суда присяжных, ещё более применимы к афинским дикастериям. – Несовершенства суда присяжных – преувеличенные в процедуре дикастерий.

Мощное влияние дикастерий на развитие интеллекта и чувств отдельных граждан. – Необходимость обучения красноречию – рост профессиональных учителей риторики – профессиональных составителей речей для других. – Риторы и софисты. – Полемика Сократа, самого софиста, против софистов вообще. – Софисты и риторы были естественным продуктом эпохи и демократии. – Дикастерии состояли не исключительно из бедняков, но из средних и бедных граждан без разбора.

[стр. 1]

Часть II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

Глава XXXVIII. ОТ БИТВЫ ПРИ МАРАФОНЕ ДО ПОХОДА КСЕРКСА ПРОТИВ ГРЕЦИИ.

В предпоследней главе предыдущего тома я описал афинскую победу при Марафоне, поражение персидского полководца Датиса и возвращение его войска через Эгейское море к берегам Азии. Ему было приказано покорить как Эретрию, так и Афины – приказ, который он отчасти выполнил успешно, о чём свидетельствовала вереница эретрийских пленных, доставленных в Сузы, – но который остался неисполненным в отношении города, наиболее ненавистного Дарию. Вместо того чтобы утолить свою месть на афинянах, персидский царь вынужден был выслушать рассказ о позорном поражении. Его гнев против афинян разгорелся ещё сильнее, и он начал энергичные приготовления к новому нападению на них, а также на Грецию в целом. Решив собрать все силы своей империи, он приказал сатрапам и наместникам по всей Азии подготовить войска, лошадей, корабли – как военные, так и транспортные. В течение целых трёх лет империя была взбудоражена этой грандиозной мобилизацией, и Дарий намеревался лично возглавить поход против Греции. [1]

[стр. 2]

Его решимость не поколебало даже восстание египтян, вспыхнувшее как раз тогда, когда приготовления были завершены. Он собирался одновременно предпринять два предприятия – завоевание Греции и возвращение Египта, – но был застигнут смертью после тридцатишестилетнего правления. В качестве предосторожности перед этим походом он назначил своим преемником Ксеркса, своего сына от Атоссы, поскольку влияние царицы обеспечило ему предпочтение перед старшим братом Артабазаном, сыном Дария от первой жены, рождённым ещё до того, как тот стал царём. Выбор правящего монарха не был оспорен, и Ксеркс взойшёл на престол без сопротивления. [2] Стоит отметить, что, хотя в персидской царской семье мы встретим несколько случаев жестокости и злодеяний, здесь нет ничего похожего на систематическое братоубийство, считавшееся необходимым для гарантии престолонаследия в Турции и других восточных империях.

Яростный гнев против Афин, ставший преобладающим чувством в душе Дария, остался неутолённым к моменту его смерти, и для афинян было счастьем, что корона перешла к принцу, не только менее упорно враждебному, но и во всех отношениях уступавшему отцу. Ксеркс, лично самый красивый [3] и величественный человек среди огромного войска, которое он повёл против Греции, по характеру был робок и малодушен, не говоря уже о таких недостатках, как тщеславие, ребячливое самодовольство и неспособность к трезвой оценке, которые он в той или иной степени разделял со всеми персидскими царями. И всё же мы увидим, что даже под его руководством вторжение в Грецию едва не увенчалось успехом – и вполне могло бы полностью преуспеть, будь он одарён мужественным нравом или пылал бы яростной ненавистью, как его отец.

Вступив на престол, Ксеркс обнаружил, что силы империи активно готовятся к походу согласно приказам Дария, за исключением Египта, где бушевало восстание. Его первой задачей было вновь покорить эту страну, и для этой цели огромная военная мощь, уже собранная, оказалась более чем достаточной. Египет был усмирён и приведён в гораздо более жёсткую зависимость, чем прежде: можно предположить, что дань была увеличена, как и численность персидского гарнизона, содержавшегося за счёт поборов с местного населения. Сатрапом был назначен Ахеман, брат Ксеркса.

Но поначалу Ксеркс не был столь же решителен в продолжении замыслов покойного отца против Греции. По крайней мере, так утверждает Геродот, изображающий Мардония главным подстрекателем вторжения – отчасти из жажды военных подвигов, отчасти из желания полу-

чить завоёванные земли в качестве сатрапии для себя. Недостатка в греческих советниках, подкреплявших его рекомендации как обещаниями помощи, так и религиозными доводами, не было. Знатный род Алевадов из Лариссы (и, возможно, других городов Фессалии) был так рьяно предан этому делу, что его главные представители прибыли в Сузы, чтобы предложить лёгкое занятие этой пограничной территории Эллады. В то же время изгнанные Писистратиды из Афин продолжали настойчиво добиваться своего возвращения во главе персидского войска. На сей раз они привезли с собой в Сузы нового помощника – священнослужителя-мистагога Ономакрита, человека, стяжавшего немалую славу не собственными пророчествами, а собиранием, систематизацией, толкованием и распространением пророческих стихов, приписываемых древнему прорицателю и поэту Мусею. Тридцать лет назад, в годы расцвета Писистратидов, он жил в Афинах, пользуясь доверием Гиппарха и будучи его советником в толковании этих почитаемых текстов. Однако, будучи пойман поэтом Ласом из Гермियोны на подлоге – вставке собственных сочинений, – он был с позором изгнан Гиппархом. Но теперь сами Писистратиды, находясь в изгнании, забыли или простили эту провинность и привезли Ономакрита с его пророчествами в Сузы, представив его как оракула, чтобы повлиять на решение Ксеркса. С этой целью его вставки (или умолчания) были соответствующим образом отредактированы: представ перед персидским царём, он с особым ударением декламировал различные обнадёживающие предсказания, в которых переправа через Геллеспонт и триумфальное шествие варварского войска в Грецию изображались как predetermined судьбой, тщательно умалчивая о тех, что сулили бедствия и позор. По крайней мере, так уверяет нас Геродот, [4] ревностно отстаивавший авторитет Бакида, Мусея и других греческих пророков, чьи стихи были в ходу. Религиозные увещания Ономакрита и предложение политического сотрудничества со стороны Алевадов позволили Мардонию успешно преодолеть нерешительность своего господина. Впрочем, нетрудно было показать, учитывая тогдашние представления, что новый персидский царь обязан был расширить границы империи ради собственной чести. [5] Завоевательный импульс, идущий от первого основателя, ещё не иссяк; оскорбления, нанесённые афинянами, оставались неотмщёнными. И в дополнение к этим двум стимулам Мардоний рисовал заманчивую картину Европы как будущего владения: «Это прекраснейшая земля в мире, изобилующая плодовыми деревьями всякого рода, слишком ценная, чтобы принадлежать кому-либо, кроме персидских царей». [6] Пятнадцатью годами ранее милетянин Аристагор, [7] умоляя спартанцев помочь ионийскому восстанию, преувеличивал богатство и плодородие Азии в противовес бедности Греции – контраст, менее далёкий от истины, чем картина, представленная Мардонием. [стр. 5]

Убежденный таким образом изменить свои первоначальные взгляды, Ксеркс созвал собрание главных персидских советников и объявил им свое решение вторгнуться в Грецию. Он изложил смешанные мотивы мести и стремления к расширению власти, которые побуждали его, и представил завоевание Греции как шаг к покорению всей Европы, так что Персидская империя станет столь же обширной, как эфир Зевса, и достигнет пределов пути солнца.

По поводу этого вторжения, теперь объявленного и готовящегося совершиться, мы должны особенно отметить историческую манеру и концепцию нашего главного информатора – Геродота. Вторжение Ксеркса в Грецию и окончательный отпор его силам составляют всю тему его последних трех книг и главную цель всей его истории, к которой ведет предшествующее изложение. Среди этих предшествующих событий, несомненно, есть многие, имеющие самостоятельную важность и интерес, изложенные столь подробно, что они кажутся равноценными и даже главными, так что нить истории на время теряется из виду. Однако мы обнаружим, если рассмотрим крупные разделы его труда, опуская временные многословия в деталях, что эта нить никогда не теряется в сознании самого историка: внимательный читатель может проследить ее от предисловия и следующего за ним рассказа о Крезе как первом

варварском завоевателе ионийских греков – вплоть до полного раскрытия его темы, «Graecia Barbariae lento collisa duello», в походе Ксеркса.

Эта экспедиция, как кульминация его исторического замысла, не только изложена более пространно и последовательно, чем любые предшествующие события, но и предварена необычайной торжественностью религиозного и поэтического сопровождения, так что [стр. 6] седьмая книга Геродота во многих моментах напоминает нам вторую книгу «Илиады». Вероятно, также, если бы до нас дошли утраченные греческие эпосы, мы обнаружили бы и другие случаи, когда воображение историка бессознательно сближалось с ними. Сон, посланный богами, чтобы напугать Ксеркса, когда он собирался отказаться от своего замысла, – а также обширный перечень народов и знаменитых личностей, входящих в персидское войско, – имеют явные параллели в «Илиаде». И Геродот, кажется, с удовольствием представляет поход против Греции как антитезу походу Атридов против Трои.

Он проникает во внутренние переживания Ксеркса с такой же легкостью, как Гомер – в переживания Агамемнона, и вводит «совет Зевса» как не менее прямой, особый и решающий, чем в «Илиаде» и «Одиссее»: [8] хотя божество у Геродота, в сравнении с Гомером, стремится стать нейтральным, а не мужским или женским, и сохраняет лишь ревнивые инстинкты правителя, лишённые человеческих appetitов, страстей и капризов. Кроме того, оно действует главным образом как централизованная или, по крайней мере, однородная сила, в отличие от разрозненного множества действующих лиц, заметного в гомеровской теологии.

Религиозная идея, так часто встречающаяся у Геродота в других местах – что божество ревниво и враждебно к чрезмерному счастью или неумеренным желаниям человека, – вплетена в его рассказ о Ксерксе как постоянная мораль и как главная причина позорного финала: ибо мы обнаружим по мере изложения, что историк, с той почтенной откровенностью, которую Плутарх называет его «злонамеренностью», не приписывает своим соотечественникам больших заслуг в личной храбрости, чем они заслуживают, и не пытается скрыть многочисленные возможности поражения, которые открыло их неумелое руководство. [стр. 7]

Я уже упоминал, что Ксеркс описывается как изначально не склонный к этому предприятю и лишь подстрекаемый к нему уговорами Мардония: вероятно, это было подлинным персидским убеждением, ибо вина за столь великое бедствие естественно перекладывалась с монарха на какого-нибудь злокозненного советника. [10]

Как только Ксеркс, уступив уговорам, объявил собранным персидским вельможам свое решение перекинуть мост через Геллеспонт и двинуться на завоевание Греции и Европы, Мардоний изображается как горячий сторонник этого плана, превозносящий огромную мощь [11] Персии и принижающий ионийцев в Европе – так он их называл – как настолько бедных и разобщенных, что успех не только гарантирован, но и легкий.

Против безрассудства этого военачальника – злого гения Ксеркса – мы видим противопоставленными благоразумие и долгий опыт Артабана, брата покойного Дария и, следовательно, дяди монарха. Возраст и родство этого персидского Нестора придают ему смелости взять на себя опасную задачу оспорить решение, которое Ксеркс, хотя и притворялся, что пригласяет мнения других, уже объявил как окончательно принятое. [стр. 8]

Речь, которую Геродот вкладывает в уста Артабана, – это речь вдумчивого и религиозного грека: она начинается с греческого представления о необходимости выслушивать и сопоставлять противоположные мнения перед любым окончательным решением, – упрекает Мардония за ложное принижение греков и втягивание своего господина в личную опасность, – указывает на вероятность того, что греки, если одержат победу на море, придут и разрушат мост, по которому Ксеркс переправился через Геллеспонт, – напоминает последнему о неминуемой опасности, которой подверглись Дарий и его армия в Скифии из-за разрушения моста через Дунай, предотвращенного лишь благодаря Гистию и его влиянию. Эти благоразум-

ные соображения дополнительно усиливаются указанием на ревнивую враждебность божества к чрезмерной человеческой власти. [12]

Нетерпеливый монарх заставляет своего дядю замолчать тоном оскорбления и угрозы; тем не менее, вопреки себе, он настолько сильно поддается его увещаниям, что к вечеру они постепенно меняют его решение и заставляют отказаться от замысла. В этом новом расположении духа он засыпает, и ему является сон: высокий, величественный муж стоит над ним, осуждает его перемену мнения и властно приказывает ему продолжать предприятие, как было объявлено. Несмотря на этот сон, Ксеркс все еще придерживается измененного намерения, собирает на следующее утро совет и, извинившись за свои гневные слова в адрес Артабана, к их великой радости сообщает, что принимает его рекомендации и отказывается от похода против Греции. Но в следующую ночь, едва Ксеркс засыпает, тот же сон и тот же образ вновь являются ему, повторяя прежнее повеление в выражениях ужасающей угрозы. Монарх, в сильном испуге, вскакивает с постели и посылает за Артабаном, которому рассказывает о дважды повторенном видении и божественном повелении, запрещающем ему менять решение. «Если (говорит он) это есть непреложная воля Бога, чтобы поход против Греции был исполнен, то то же видение явится и тебе, при условии, что ты наденешь мои одежды, сядешь на мой трон и уснешь в моей постели». [13] Не без неохоты, [стр. 9] Артабан подчиняется этому приказу (ибо для любого перса было государственной изменой сидеть на царском троне [14]), но в конце концов соглашается, ожидая доказать Ксерксу, что сну не стоит придавать значения. «Многие сны (говорит он) не божественного происхождения, а всего лишь блуждающие образы того, о чем мы думали днем; этот сон, каков бы он ни был, не будет настолько глуп, чтобы принять меня за царя, даже если я буду в царских одеждах и постели; но если он продолжит являться тебе, я сам признаю его божественным». [15]

Соответственно, Артабана усаживают на царский трон и укладывают в постель, и, едва он засыпает, тот же самый образ является и ему, говоря: «Ты ли это, кто отговаривает Ксеркса, под предлогом заботы о его безопасности, от похода на Грецию? Ксеркс уже был предупрежден о том, что постигнет его, если он ослушается, и ты тоже не избежишь, ни теперь, ни в будущем, за попытки отвратить то, что должно и будет свершено». С этими словами видение принимает угрожающий вид, как будто собираясь выжечь глаза Артабана раскаленным железом, и спящий в ужасе просыпается, спеша к Ксерксу. «До сих пор, о царь, я советовал тебе довольствоваться той огромной державой, из-за которой все люди считают тебя счастливым; но теперь, когда божественное побуждение стало явным и когда гибель свыше уготована грекам, я тоже меняю свое мнение и советую тебе вести персов, как велит Бог, дабы ничто не было упущено с твоей стороны в том, что Бог вручает тебе». [16]

[стр. 10] Таким образом, Геродот изображает происхождение великого похода Ксеркса: отчасти в безрассудстве Мардония, который получает горькую расплату на поле битвы при Платеях, – но еще более под влиянием «зловредного Онейроса», посланного богами – как во второй книге «Илиады» – чтобы обмануть Ксеркса и даже преодолеть страхом его сомнения и сомнения Артабана. Боги, решив – как в случаях Астиага, Поликрата и других – что Персидская держава должна подвергнуться унижению и отражению от рук греков, принуждают персидского монарха к губительному предприятию вопреки его лучшему суждению. Такое религиозное воображение не следует считать особенностью Геродота, но общим для него и его современников вообще, как греков, так и персов, хотя особенно стимулированным у греков обилием их эпической или квазиисторической поэзии: видоизменяясь в каждом отдельном рассказчике, оно служит связующим звеном, а также исходной причиной великих событий истории. В качестве причины этого похода, несравненно величайшего факта и самого плодотворного в последствиях на протяжении политической карьеры как греков, так и персов, ничто меньшее, чем особое вмешательство богов, не удовлетворило бы чувства ни одного из народов.

История сна, как говорит нам Геродот, [17] зародилась в персидском воображении и в некотором роде служит утешением для национального тщеславия; но она переосмыслена и окрашена греческим историком, который упоминает [стр. 11] также третий сон, явившийся Ксерксу после того, как решение о походе было окончательно принято, и который ошибочное толкование магов ложно истолковало [18] как ободрение, хотя на самом деле он предвещал гибель. Насколько эта религиозная концепция последовательности событий принадлежит эпохе, видно из того, что она не только появляется у Пиндара и аттических трагиков вообще, но особенно пронизывает «Персов» Эсхила, поставленных через семь лет после битвы при Саламине, – где мы находим как предостерегающие сны, так и ревнивую враждебность богов к чрезмерной власти и высокомерным устремлениям человека, [19] хотя без того намерения, которое, как кажется, Геродот почерпнул у персидских информаторов, – оправдать Ксеркса, изображая его склонным к благоразумным советам, но увлекаемым в противоположном направлении неодолимым велением богов. [20]

[р. 12] Хотя мы принимаем во внимание те религиозные представления, которыми и поэт, и историк окружили это грандиозное противостояние [р. 13] греков и варваров, нам не нужно искать дальше честолюбия и мести, чтобы понять истинные мотивы вторжения: учитывая, что этот замысел был открыто вынашивается Дарием в течение трех лет до его смерти, вряд ли его сын и преемник добровольно от него отказался бы. Вскоре после повторного завоевания Египта он начал готовиться, и масштаб этих приготовлений свидетельствовал как о силе его решимости, так и о размахе замыслов. Сатрапы и подчинённые чиновники по всей империи получили приказ предоставить максимальные квоты войск и военных припасов – конницу и пехоту, военные корабли, транспорты для лошадей, провизию и другие виды снабжения в зависимости от возможностей региона; при этом обещались награды тем, кто выполнит приказы наиболее эффективно. В течение четырёх полных лет шли приготовления, и, поскольку нам известно, что аналогичные меры предпринимались в течение трёх лет перед смертью Дария (хотя и не привели к какому-либо результату), мы не можем сомневаться, что теперь для осуществления планов Ксеркса была собрана максимальная сила, которую только могла предоставить империя [21].

На тот момент Персидская империя была обширнее, чем когда-либо впоследствии: она включала приморскую Фракию и Македонию вплоть до границ Фессалии, а также почти все острова Эгейского моря к северу от Крита и востоку от Эвбеи, в том числе [р. 14] Киклады. В Дориске, Эионе и других местах на фракийском побережье стояли персидские крепости и гарнизоны, тогда как Абдера и другие греческие поселения на том же берегу числились среди данников Суз [22].

Важно помнить эти границы империи во времена восшествия Ксеркса на престол, особенно в сравнении с её сократившимися пределами в более поздний период Пелопоннесской войны – отчасти чтобы понять кажущиеся шансы на успех его похода, какими они виделись и персам, и грекам-медистам, отчасти чтобы оценить последующие обстоятельства, связанные с формированием Афинской морской державы.

Осенью 481 года до н. э. огромная армия, собранная Ксерксом, прибыла со всех концов империи в Сарды или их окрестности; значительная её часть должна была собраться в Критале в Каппадокии, к востоку от Галиса, где к ней присоединился сам Ксеркс, двигавшийся из Суз [23]. Оттуда он пересёк Галис и прошёл через Фригию и Лидию, мимо фригийских городов Келены, Анауа и Колоссы, а также лидийского города Каллатеб, пока не достиг Сард, где для него были подготовлены зимние квартиры.

Но и эти сухопутные силы, сколь бы огромны они ни были (об их численности мы поговорим позже), не исчерпывали требований империи. Ксеркс решил атаковать Грецию не через Эгейское море, как Датис шёл на Эретрию и Марафон, а одновременно сухопутной армией и флотом: первая должна была переправиться через Геллеспонт и идти через Фракию, Маке-

донию и Фессалию, тогда как второй должен был сопровождать её и содействовать. На Геллеспонте и у берегов Фракии [р. 15] и Ионии собрали флот из 1207 военных кораблей, не считая множества вспомогательных и транспортных судов; более того, Ксеркс, проявив гораздо большую предусмотрительность, чем его отец Дарий во время скифского похода, приказал создать крупные склады провизии в подходящих пунктах вдоль маршрута – от Геллеспонта до Стримонского залива. За четыре года военных приготовлений удалось доставить туда огромные запасы муки и других необходимых товаров из Азии и Египта [24]. Если бы весь современный мир был поражен грандиозным скоплением людей и военных припасов, собранных Ксерксом, превосходящим все прошлые, можно даже сказать, все последующие примеры, – то не меньшее изумление вызвали два предприятия, входившие в его план: сооружение моста через Геллеспонт и прорытие судоходного канала через перешеек горы Афон.

Для первого из этих предприятий действительно существовал прецедент, поскольку Дарий примерно тридцать пять лет назад приказал построить мост через фракийский Боспор и перешел по нему во время похода на Скифию; но этот мост, хотя и построенный ионийцами и греком с Самоса, оставался малоизвестным или малоупоминаемым среди греков в целом, что можно заключить из того факта, что поэт Эсхил [25] говорит так, будто никогда о нем не слышал, тогда как мост Ксеркса навсегда остался в памяти как персов, так и греков как впечатляющее проявление азиатского всемогущества.

Мост из лодок – или, точнее, два отдельных моста, расположенных недалеко друг от друга, – которые Ксеркс приказал перекинуть через Геллеспонт, протянулся от окрестностей Абидоса на азиатской стороне до побережья между Сестом и Мадитом на европейской, где пролив имеет ширину около английской мили.

Исполнение работы первоначально было поручено не грекам, а финикийцам и египтянам, которые заранее получили приказ изготовить канаты необычайной прочности и толщины специально для этой цели; финикийцы использовали льняные волокна, а египтяне – волокна папируса.

Работа уже была завершена и доложена Ксерксу как готовая к использованию, когда разразилась буря, настолько сильная, что полностью разрушила сооружение [стр. 16].

Гнев монарха, узнавшего о катастрофе, не знал границ; он обрушился отчасти на главных инженеров, которым велел отрубить головы [26], но отчасти и на сам Геллеспонт. Он приказал высечь пролив тремястами ударами плетей и опустить в него оковы в качестве дополнительного наказания; более того, Геродот слышал (хотя и не верил этому), что Ксеркс даже послал раскаленные железные клейма, чтобы заклеить воды.

«Ты, горькая вода (воскликали бичеватели, исполняя приказ), вот кара, которой наш господин наказывает тебя за то, что ты причинил ему зло, хотя он никогда не делал тебе ничего дурного. Царь Ксеркс перейдет через тебя, хочешь ты того или нет; но ты недостойна жертвоприношений от кого бы то ни было, ибо ты – коварная река (бесполезной) соленой воды» [27].

Таковы были оскорбительные слова, которыми по приказу Ксеркса осыпали мятежный Геллеспонт. Геродот называет их «неэллинскими и богохульными», и их краткость заставляет нас поверить, что он передает их так, как слышал, и что они не являются его вымыслом, в отличие от многих других речей в его труде, где он, так сказать, драматизирует ситуацию.

Однако в этом случае принято отвергать не только слова, но даже сам факт наказания Геллеспонта [28], считая его скорее греческим мифом, чем реальным событием: крайняя ребячливость и абсурдность этого поступка придают ему оттенок вражеской клеветы. Но эта причина не покажется [стр. 17] достаточной, если мы перенесемся в ту эпоху и в окружение заинтересованных лиц.

Переносить на неодушевленные предметы чувства, волю и замыслы, присущие людям, – одна из ранних и широко распространенных особенностей человеческого мышления, одна из примитивных форм религии. И хотя расширение разума и опыта постепенно вытесняет этот

элементарный фетишизм, переводя его из области реальности в область условных вымыслов, сила мгновенной страсти часто оказывается достаточной, чтобы подавить приобретенную привычку, и даже разумный человек [29] в момент мучительной боли может пнуть или ударить безжизненный предмет, причинивший ему страдание.

По древнему афинскому обычаю, формально не отмененному, хотя и вышедшему из употребления, неодушевленный предмет, ставший причиной смерти человека, подвергался суду и изгонялся за пределы города; а аркадские юноши, возвращаясь с неудачной охоты голодными [30], бичевали и кололи статую бога Пана в отместку.

Тем более можно предположить, что молодой персидский монарх, развращенный всеобщей угодливостью, мог дать выход безумному гневу таким образом. Описанная Геродотом месть Кира реке Гиндес (которую он приказал разделить на триста шестьдесят рукавов за то, что в ней утонула одна из его священных лошадей), служит хорошей параллелью к бичеванию Геллеспонта Ксерксом.

Приносить жертвы рекам и таким образом выражать благодарность за их услуги было обычным религиозным обрядом в древности.

В то время как основания для недоверия к этому рассказу существенно ослабевают, прямые свидетельства оказываются весьма убедительными. Поход Ксеркса произошел, когда Геродоту было около четырех лет, так что впоследствии у него была возможность общаться с очевидцами и участниками событий; и весь его рассказ показывает, что он широко использовал такие источники информации.

Кроме того, строительство моста через Геллеспонт и все связанные с ним события были по своей природе публичными актами, известными многим свидетелям, а потому легко проверяемыми. Казнь несчастных инженеров произвела ужасающее впечатление, а бичевание Геллеспонта казалось Геродоту [31] (как и позднее Арриану) не ребячеством, а святотатством.

Чем внимательнее мы сопоставляем прямые свидетельства с внутренними негативными вероятностями в данном случае, тем больше склоняемся к тому, чтобы без сомнений принять рассказ первоисточника.

Новые инженеры – возможно, греки вместе с финикийцами и египтянами или вместо них – немедленно получили приказ возобновить работу, которую Геродот описывает подробно и которая, несомненно, была выполнена с большей тщательностью и прочностью.

Чтобы соорудить два моста, два ряда кораблей – триер и пентеконтер, соединенных вместе, – были поставлены на якорь поперек пролива, кормой к Понту (Черному морю) и носом к Эгейскому морю, поскольку течение всегда направлено к последнему [32]. Они удерживались якорями с носа и кормы, а также очень длинными канатами.

Количество кораблей, использованных для моста, ближайшего к Понту, составило триста шестьдесят; для другого – триста четырнадцать [стр. 21].

Через каждый из двух рядов кораблей, от берега до берега, были протянуты шесть огромных канатов, которые выполняли двойную функцию: скрепляли корабли и поддерживали настил моста. Они натягивались с помощью ворот на каждом берегу. В трех местах вдоль линии моста оставляли промежутки между кораблями, чтобы торговые суда, направлявшиеся в Понт или из него, могли проходить под канатами.

Из шести канатов, выделенных для каждого моста, два были из льна, а четыре – из папируса, соединённых вместе для увеличения прочности; ибо, по-видимому, в первых построенных мостах, оказавшихся слишком слабыми, чтобы противостоять ветрам, финикийцы использовали льняные канаты для одного моста, а египтяне – папирусные для другого. [33] Поверх них укладывались деревянные доски, распиленные до нужной ширины и закреплённые верёвками, чтобы они не смещались. Наконец, на этом основании формировалась сама насыпь из земли и дерева, с частоколом по обеим сторонам, достаточно высоким, чтобы скот, переходивший по мосту, не видел воду.

Другим великим сооружением, которое Ксеркс приказал возвести для облегчения своего похода, была прорубка перешейка, соединяющего бурный мыс горы Афон [стр. 22] с материком. [34] Этот перешеек, в месте его соединения с материком, имел около двенадцати стадий (или фурлонгов) в ширину, от Стримонского до Торонейского залива; а вырытый по приказу Ксеркса канал был достаточно широк и глубок, чтобы две триремы могли плыть бок о бок. В этой работе, как и в строительстве моста через Геллеспонт, финикийцы оказались самыми умелыми и эффективными среди всех подданных персидского царя; однако и другие подчинённые народы, особенно греки из соседнего города Аканфа, да и вообще все морские силы империи, [35] были собраны для помощи. Штаб флота сначала находился в Киме и Фокее, затем – в Элее, на южной оконечности Херсонеса Фракийского, откуда можно было одновременно защищать и поддерживать оба проекта – у Геллеспонта и у горы Афон. Работы по прорытию канала у последней находились под общим руководством двух знатных персов – Бубара и Артахея, а распределение задач между контингентами различных народов велось по их измерениям. В соседнюю равнину свозились обильные запасы муки и других припасов из разных частей Азии и Египта.

В рассказе Геродота об этой работе заслуживают внимания три обстоятельства. Во-первых, превосходство финикийцев в сообразительности: находясь в виду высокого острова Фасос, который три века назад был занят их свободными предками, они теперь трудились как орудия в руках чужеземного завоевателя. Среди всех народов, занятых на работах, только они приняли меры предосторожности, начав копать канал с ширины, значительно большей, чем требовалось в итоге, чтобы постепенно сужать его и оставить удобный уклон для стенок. Остальные копали прямо вниз, из-за чего их труд удваивался из-за постоянного обрушения стенок – яркая иллюстрация уровня практической смекалки в то время, учитывая, что собранные народы были многочисленны и разнородны. Во-вторых, Геродот замечает, что Ксеркс, вероятно, предпринял этот тяжёлый труд [стр. 23] из чистой показухи: «ведь не составило бы никакого труда, – пишет он, [36] – перетаскать все корабли флота [стр. 24] через перешеек, так что канал вовсе не был нужен». Для грека V века до н. э. перетаскивание кораблей через перешеек с помощью механической силы было привычным делом; по-видимому, для этого даже готовились специальные желоба или полозья – как, например, на Диолке через Коринфский перешеек. В-третьих, следует отметить, что люди, копавшие канал у горы Афон, работали под ударами кнута; и это, заметьте, были не купленные рабы, а свободные люди, если не считать того, что они являлись подданными персидского царя. Возможно, среди них был и отец Геродота, уроженец Галикарнаса и подданный храброй царицы Артемисии. В дальнейшем мы встретим и другие примеры такого беспорядочного применения кнута и полной уверенности персов [37] в его абсолютной необходимости – даже для того, чтобы гнать в бой войска своих подчинённых контингентов. Использование бича в отношении свободных людей, особенно воинов, было совершенно чуждо как эллинской практике, так и эллинским чувствам. Малоазийские и островные греки избавились от этого, как и от других тягот, когда вышли из-под власти Персии, став сначала союзниками, а затем подданными Афин. И нам ещё предстоит отметить этот факт, когда мы будем оценивать жалобы, высказанные против гегемонии Афин.

В то же время, когда подчинённые контингенты Ксеркса рыли этот канал (укреплённый на обоих концах плотными земляными валами или дамбами против моря), они также навели понтонные мосты через реку Стримон. Обе эти работы, вместе с обновлённым двойным мостом через Геллеспонт, были объявлены завершёнными и готовыми к переходу по прибытии Ксеркса в Сарды в начале зимы 481–480 гг. до н. э. Вполне можно усомниться, что вся его огромная армия прибыла в Сарды одновременно с ним и зимовала там; однако к началу весны 480 г. до н. э. все силы собрались в Сардах и были готовы к походу на Грецию.

Зимуя в Сардах, персидский монарх отправил вестников во все города Греции, кроме Спарты и Афин, потребовав от них традиционные знаки покорности – землю и воду, ибо вести

о его несметном войске были способны вселить ужас даже в самых стойких. Одновременно он приказал приморским городам Фракии и Македонии приготовить «обед» для него и его огромной свиты, когда он будет проходить через их земли. Этот поход начался с первыми признаками весны и продолжался, несмотря на несколько зловещих предзнаменований, встретившихся на пути. Одно из них Ксеркс, по невежеству, не сумел разгадать, хотя, согласно Геродоту, его значение было более чем очевидно [38], – тогда как [стр. 26] другое было ловко истолковано магами как благоприятное знамение.

Покидая Сарды, огромное войско разделилось на две почти равные колонны, между которыми оставался широкий промежуток для самого царя, его охраны и отборных персов. Впереди [39] шёл обоз, везомый выючными животными, за которым следовала половина всей пехоты, без разделения по народам. Затем двигались элитные отряды: тысяча персидских всадников и тысяча копейщиков, отличавшиеся тем, что несли свои копья остриём вниз, а на другом конце древка у них вместо обычного шипа для втыкания в землю был золотой гранат.

За ними шли десять священных коней невероятной силы и в великолепной сбруе, выращенных на Нисейских равнинах в Мидии. Затем следовала священная колесница Зевса, запряжённая восьмёркой белых лошадей – в неё не смел садиться ни один человек, даже возница, который шёл пешком сзади, держа поводья. После колесницы Зевса ехала колесница самого Ксеркса, запряжённая нисейскими конями; возничий, знатный перс по имени Патирамф, сидел рядом с царём, который часто пересаживался в паланкин.

В непосредственной близости от Ксеркса находился отборный отряд из тысячи всадников-телохранителей – лучших воинов и знатнейших персов, чьи копья украшались золотыми яблоками. За ними следовали другие отряды: тысяча всадников, десять тысяч пехотинцев и десять тысяч конников, все – чистокровные персы. Из этих десяти тысяч пехотинцев, называемых «Бессмертными» (поскольку их число всегда оставалось неизменным), у девяти тысяч на копьях были серебряные гранаты, а у оставшейся тысячи, рассредоточенных впереди, сзади и по бокам отряда, – золотые.

На этом заканчивалась свита, которую можно назвать царской гвардией [стр. 27]. После неё, с промежутком в два стадия, беспорядочной толпой двигалась остальная армия [40]. О её численности и составе я расскажу позже, когда речь пойдёт о великом смотре в Дориске.

Когда войско выходило из Сард, по обеим сторонам дороги были подвешены половины расчленённого тела – нарочно, чтобы преподать урок подданным Персии. Это было тело старшего сына богача Пифия, фригийского старца, жившего в Келенах. Он принимал Ксеркса во время его похода из Каппадокии в Сарды и прежде заслужил расположение предыдущего царя Дария щедрыми дарами. Его гостеприимство было столь обильным, а предложения денежной помощи для похода на Грецию столь настойчивыми, что царь спросил его: «Как велико твоё состояние?»

«Кроме земель и рабов, – ответил Пифий, – у меня есть две тысячи талантов серебра и три миллиона девятьсот девяносто три тысячи золотых дариков, не хватает лишь семи тысяч до четырёх миллионов. Всё это золото и серебро я дарю тебе, оставляя себе только земли и рабов, которых мне вполне хватит».

Ксеркс восхвалил его щедрость, но отказался от дара и даже подарил Пифию из собственной казны недостающие семь тысяч дариков, чтобы довести сумму до ровных четырёх миллионов. Обрадованный такой милостью, Пифий, когда войско уже готовилось выступить из Сард, осмелился – под влиянием страха от дурных предзнаменований – обратиться к царю с просьбой. Все его пятеро сыновей должны были отправиться в поход на Грецию, и он умолял Ксеркса оставить старшего, чтобы тот был опорой ему в старости, а остальные четверо по-прежнему служили бы в армии.

Но несчастный отец не понимал, о чём просит.

«Негодяй! – воскликнул Ксеркс. – Ты смеешь говорить мне о своём сыне, когда я сам иду на Грецию с моими сыновьями, братьями, родственниками и друзьями? Ты, мой раб, обязан следовать за мной вместе с женой и всей семьёй! Знай: душа человека живёт в его ушах. Услышав доброе, она наполняет тело радостью, но вскипает гневом, когда слышит дурное. Если прежде, творя добро и делая щедрые предложения, ты не мог похвастаться, что превзошёл царя в великодушии, то теперь, проявив наглость, ты будешь наказан – хотя и не в полной мере.

Ты и твои четверо сыновей спасены благодаря гостеприимству, которое я получил от тебя. Но за того сына, которого ты так хотел уберечь, ты заплатишь его жизнью».

Тотчас он приказал казнить сына Пифия, рассечь его тело пополам и выставить обе половины по сторонам дороги, по которой должно было пройти войско [41].

Повесть, по сути схожая, хотя и менее отталкивающая, уже была рассказана о Дарии, когда он предпринимал поход против Скифии. Оба рассказа иллюстрируют ту мощную силу чувства, с которой персидские цари относились к обязательству всеобщей личной службы, когда сами находились в поле. Они, казалось, измеряли свою силу количеством людей, собранных вокруг них, с малым вниманием или вовсе без него к качеству: и само упоминание об освобождении – мысль о том, что подданный и раб мог стремиться уклониться от риска, который собирался принять на себя монарх, – было преступлением, не подлежащим прощению. В этом, как и в других действиях восточных царей – будь то благодарность, щедрость или жестокость, – мы видим лишь деспотическую силу личной воли, воплощающейся в действие без какой-либо мысли о последствиях и обращающейся с подданными с меньшим вниманием, чем обычный греческий господин проявлял бы к своим рабам.

Из Сард войско Ксеркса направилось к Абидосу, сначала через Мисию и реку Каик, затем через Атарней, Карину и равнину Фивы; они миновали Адра [стр. 29] миттий и Антандр и пересекли хребет Иды, большая часть которого осталась слева от них, не без некоторых потерь из-за штормовой погоды и грозы. [42] Оттуда они достигли Илиона и реки Скамандр, воды которой были выпиты или, вероятно, частично затоптаны и сделаны непригодными для питья огромным скоплением людей и животных; несмотря на бессмертный интерес, которым Скамандр обязан гомеровским поэмам, его размеры не таковы, чтобы этот факт казался удивительным. К самим поэмам даже Ксеркс не пренебрег воздать должное: он взошел на священный холм Илиона, осмотрел Пергам, где, как говорили, жил и правил Приам, принес в жертву тысячу быков богине-покровительнице Афине и велел магам совершить возлияния в честь героев, павших на этом почитаемом месте. Он даже снизошел до того, чтобы расспросить о местных деталях, [43] обильно предоставляемых жителями Илиона посетителям, той великой реальной или мифической войны, к которой греческие хронологи еще не научились привязывать точную дату. И, без сомнения, когда он созерцал узкие пределы той Трои, которую все греки, объединившиеся под началом Агамемнона, не смогли взять за десять лет, он не мог не вообразить, что эти самые греки станут легкой добычей для его бесчисленного войска. Еще один день марша между Ройтием, Офринием и Дарданом слева и тевкрами Горгиса справа привел его к Абидосу, где его ждали два недавно построенных моста через Геллеспонт.

На этом переходе из Азии в Европу Геродот останавливается с особым вниманием – и неудивительно, ведь если учесть мосты, число захватчиков, безмерные надежды, сменившиеся столь же безмерными бедствиями, это событие представляется не только самым впечатляющим в его веке, но и одним из самых грандиозных во всей истории. Он окружает его множеством драматических деталей, не только упоминая мраморный трон, воздвигнутый для Ксеркса на холме близ Абидоса, откуда тот наблюдал за своими сухопутными силами, покрывавшими берег, и кораблями, плывущими и соревнующимися в проливе (состязание, в котором [стр. 30] сидонские финикийцы превзошли греков и все остальные контингенты), но и добавляя к этому реальному факту диалог с Артабаном, призванный раскрыть внутрен-

ние мысли Ксеркса. Далее он приводит предполагаемые восклицания абидосцев при виде его сверхчеловеческой мощи.

«Зачем (сказал один из этих пораженных ужасом зрителей [44]), зачем ты, о Зевс, в облике перса и под именем Ксеркса, собираешь весь человеческий род для гибели Греции? Ты мог бы достичь этого и без стольких усилий».

Такие выразительные восклицания демонстрируют сильные чувства, которые Геродот или его информаторы вкладывают в сцену, хотя мы не можем подвергнуть их строгому историческому анализу.

В первый момент восхода солнца, столь священного для восточного сознания, [45] был дан приказ начать переправу: мосты благоухали ладаном и были усыпаны миртовыми ветвями, в то время как сам Ксеркс совершал возлияния в море золотой чашей и возносил молитвы Гелиосу, дабы тот позволил ему беспрепятственно осуществить свой замысел покорения Европы вплоть до ее дальних пределов. Вместе с возлиянием он бросил в Геллеспонт саму чашу, золотой кубок и персидский меч.

«Я не знаю точно [46] (добавляет историк), бросил ли он их как дар Гелиосу или как знак раскаяния и искупления перед Геллеспонтом за удары, которые нанес ему».

Из двух мостов тот, что ближе к Понту, был предназначен для войска, другой – для слуг, обоза и выючных животных. Десять тысяч персов, называемых Бессмертными, все с венками на головах, первыми перешли, [стр. 31] а за ними последовали сам Ксеркс и остальное войско, хотя и в несколько ином порядке, чем при выступлении из Сард. Монарх, достигнув европейского берега, наблюдал, как его солдаты переходят мосты «под ударами кнута». Но, несмотря на использование этого резкого стимула для ускорения, столь огромны были численность его войска, что оно заняло не менее семи дней и семи ночей непрерывной переправы – факт, который следует помнить, когда мы перейдем к обсуждению подсчетов Геродота. [47]

Так, очистив пролив, Ксеркс направил свой марш вдоль Фракийского Херсонеса к перешейку, соединяющему его с Фракией, между городом Кардия слева и гробницей Эллы справа – эпонимной героини пролива. Пройдя этот перешеек, он повернул на запад вдоль побережья Мелийского залива и Эгейского моря, переправившись через реку, от которой залив получил своё название, и даже, по словам Геродота, выпив её воды вместе со своими воинами и животными. Пройдя мимо эолийского города Энос и гавани Стенторис, он достиг побережья и равнины, называемой Дориск, покрывающей богатую дельту у устья Гебра: там был построен форт, оставленный с гарнизоном ещё Дарием. Просторная равнина, носившая это же название, тянулась далеко вдоль берега до мыса Серрей и включала города Сале и Зона – владения самосских греков, основанные на земле, некогда принадлежавшей фракийским киконам на материке. Здесь к нему присоединился флот, обогнувший [48] самую южную оконечность Фракийского Херсонеса, и он счёл это место удобным для общего смотра и пересчёта как сухопутных, так и морских сил.

Вероятно, никогда ещё в истории человечества не собиралось в одном месте столь многочисленное войско из столь отдалённых и разнородных земель, объединённое одной целью и одним командованием, как то, что теперь стояло во Фракии у устья Гебра. О точной численности мы не можем составить определённого представления, но в разнообразии контингентов сомневаться не приходится. «Какой азиатский народ (спрашивает Геродот, [49] чьи представления об этом походе, кажется, превосходят его способности к описанию) не привёл Ксеркс против Греции?» И это были не только азиатские народы, населявшие земли между Оксом, Индом, Персидским заливом, Красным морем, Левантом, Эгейским и Понтом Эвксинским: к ним нужно добавить ещё египтян, эфиопов с Нила к югу от Египта и ливийцев из пустыни близ Кирены. Ни один из походов, мифических или исторических, о которых Геродот когда-либо слышал, не казался ему сопоставимым с походом Ксеркса – ни по общей численности, ни, тем более, по разнообразию составляющих его элементов. Сорок шесть разных наро-

дов, [50] каждый в своём национальном одеянии, со своим оружием и местными предводителями, составляли сухопутное войско; восемь других народов поставляли корабли для флота, на которых персы, мидийцы и саки служили вооружёнными солдатами или морскими пехотинцами; а настоящими командирами всей армии и всех её подразделений были [стр. 33] знатные персы, распределявшие различные туземные контингенты по отрядам в тысячи, сотни и десятки. Сорок шесть народов, составлявших сухопутное войско, были следующие: персы, мидийцы, киссии, гирканцы, ассирийцы, бактрийцы, саки, индийцы, арии, парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии, дадики, каспии, саранги, пактии, утии, мики, парикании, арабы, азиатские эфиопы и эфиопы к югу от Египта, ливийцы, пафлагонцы, лигии, матиены, мариандины, сирийцы, фригийцы, армяне, лидийцы, мисийцы, фракийцы, кабеллии, мары, колхи, алародии, саспейры, сагартии. Восемь народов, поставлявших флот, были: финикийцы – 300 военных кораблей; египтяне – 200; киприоты – 150; киликийцы – 100; памфилийцы – 30; ликийцы – 50; карийцы – 70; ионийские греки – 100; дорийские греки – 30; эолийские греки – 60; гелеспонтские греки – 100; греки с островов Эгейского моря – 17; всего – 1207 трирем, или военных кораблей с тремя рядами вёсел. Описания одежды и вооружения у Геродота любопытны и разнообразны; но важно отметить, что ни один народ, кроме лидийцев, памфилийцев, киприотов и карийцев (отчасти также египетских морских пехотинцев на кораблях), не имел оружия, схожего с греческим (то есть пригодного для устойчивого боя и решительной атаки, [51] – для рукопашного боя в строю, а также для защиты, – но слишком тяжёлого как для преследования, так и для бегства); тогда как остальные народы были вооружены метательным оружием – лёгкими щитами из прутьев или кожи, а то и вовсе без щитов, – тюрбанами или кожаными шапками вместо шлемов, – мечами и серпами. Они не были должным образом экипированы ни для боя в правильном строю, ни для противостояния линии копий и щитов, которую греческие гоплиты обрушивали на них; их тела также были гораздо хуже защищены от ран, чем у греков; некоторые из них, например, мисийцы и ливийцы, даже не носили копий, а только дубины с обожжёнными концами. [52] Кочевое племя персов, называемое сагартии, в количестве восьми тысяч всадников, было вооружено только кинжалом и верёвкой, известной в Южной Америке как лассо, которую они бросали в [стр. 34] бою, чтобы опутать противника. Эфиопы с верховьев Нила были раскрашены наполовину в красный, наполовину в белый цвет, носили шкуры львов и пантер и, помимо дротиков, имели длинные луки с тростниковыми стрелами, наконечники которых были сделаны из заострённого камня.

В Дориске впервые было проведено подсчет всего сухопутного войска. Геродот прямо сообщает, что до этого отдельные контингенты никогда не пересчитывались, и признает, что сам не знает численности каждого из них. Способ подсчета был примечательным. Сначала отсчитали десять тысяч воинов [53], построив их как можно плотнее, затем очертили линию и возвели ограду вокруг занятого ими пространства. После этого все войско поочередно вводилось внутрь огороженной территории, и таким образом определялось общее количество отрядов по десять тысяч человек в каждом.

По словам информаторов Геродота, таким способом было отсчитано сто семьдесят таких отрядов, что в сумме давало один миллион семьсот тысяч пехотинцев, не считая восьмидесяти тысяч всадников, множества боевых колесниц из Ливии и верблюдов из Аравии, а также предположительно двадцати тысяч дополнительных воинов [54]. Такова была огромная сухопутная армия персидского царя.

Морские силы были столь же внушительными: 1207 триер [55] (боевых кораблей с тремя рядами весел) и три тысячи более мелких судов, включая транспортные. Экипаж каждой триеры состоял из двухсот гребцов и тридцати воинов (персов или саков), а на каждом вспомогательном судне, по приблизительной оценке Геродота, находилось в среднем восемьдесят человек.

Если сложить все эти цифры, то общая численность войск, приведенных Ксерксом из Азии на равнину Дориска, достигала ошеломляющей величины в [стр. 35] два миллиона триста семнадцать тысяч человек. Но и это не всё.

Во время дальнейшего похода от Дориска до Фермопил Ксеркс принудительно включил в свою армию воинов и корабли всех народов, чьи земли он пересекал. Это дало ему подкрепление в сто двадцать триер с экипажами общей численностью двадцать четыре тысячи человек, а также триста тысяч новых сухопутных воинов. Таким образом, к моменту его появления у Фермопил общая численность армии составляла два миллиона шестьсот сорок тысяч человек.

К этому, по предположению Геродота, следует добавить не меньшее количество обслуги – рабов, маркитантов, экипажей провиантских и грузовых судов и т. д. В итоге, когда персидский царь достиг первого пункта сопротивления греков, с ним находилось пять миллионов двести восемьдесят три тысячи двести двадцать мужчин!

Таково грандиозное исчисление этой армии, собравшей в себе всю мощь Востока, – в четких и явных цифрах Геродота [56]. Сам историк, впрочем, полагал, что реальное число было ещё больше, поскольку количество «нестроевых» он считал не просто равным, но значительно превосходящим число боевых воинов.

Кроме того, следует учитывать евнухов, наложниц и женщин-поваров, чью численность Геродот даже не пытался угадать, а также скот, выючных животных и индийских собак в неопределённом количестве, увеличивавших потребление провианта регулярной армией.

Признать это огромное число или что-либо близкое к нему, очевидно, невозможно; однако критические замечания, которые оно навлекло на Геродота, совершенно несправедливы. [57] Он тщательно отделяет то, что ему сообщили информаторы, от того, что он сам предполагал. Его описание смотра в Дориске настолько детализировано, что явно основано на беседах с очевидцами, от которых он узнал отдельные итоги, объявленные переписчиками, – пехоту, конницу и военные корабли, большие и малые. Что касается числа трирем, [стр. 36] его данные кажутся заниженными, если судить по современному свидетельству Эсхила, который в «Персах» называет точное число – тысяча двести семь персидских кораблей, участвовавших в битве при Саламине: но между Дориском и Саламином Геродот [58] сам упоминает о потере шестисот сорока семи кораблей и только о добавлении ста двадцати. Таким образом, в этих цифрах трудно заподозрить преувеличение, что дало бы около двухсот семидесяти шести тысяч человек экипажей, хотя здесь есть путаница или пропуск в повествовании, которые мы не можем объяснить. Однако общее число в три тысячи меньших судов и, тем более, в один миллион семьсот тысяч пехотинцев вызывает гораздо больше сомнений. У переписчиков не было никакого стимула к точности, зато были все основания для преувеличений – огромная номинальная численность радовала бы армию не меньше, чем самого монарха. Поэтому военный итог сухопутных сил и экипажей, который Геродот определяет в два миллиона шестьсот сорок одну тысячу человек по прибытии к Фермопилам, следует отвергнуть как необоснованный и неправдоподобный. А его расчет невоенных участников похода, равных или даже превосходящих по численности военных, основан на совершенно неприемлемых допущениях: хотя в хорошо организованном греческом войске было принято считать по одному легковооруженному воину или слуге на каждого гоплита, такая оценка неприменима к персидскому войску. Лишь немногие знатные военачальники могли иметь множество слуг разного рода, тогда как основная масса армии [стр. 37] обходилась без них вовсе.

Более того, единственный способ согласовать огромную численность войска (которая в любом случае должна была быть очень велика) с условиями его снабжения – это предположить сравнительное отсутствие обслуги и учесть малые потребности и привычную выносливость восточных народов во все времена. Даже сегодня азиатский солдат может вести кампанию на скудном пайке и переносить лишения, которые были бы невыносимы для европейца.

[59] И если мы таким образом уменьшаем вероятный объем потребления, то должны также учесть, что никогда ранее в древней истории не прилагалось столько усилий для заблаговременного накопления запасов вдоль пути следования армии. Кроме того, города Фракии были обязаны поставлять такое количество провизии при прохождении войска, что это едва не разорило их. Сам Геродот удивляется, как можно было обеспечить пропитанием столь огромное множество людей, и если принять его оценку буквально, трудность превратится в невозможность.

Тщательно взвешивая обстоятельства и учитывая, что это войско было результатом предельного напряжения сил всей огромной империи, что главным требованием была именно численность, что просьбы об освобождении от службы Великий царь рассматривал как тяжкое преступление и что провиант заготавливался вдоль маршрута в течение трех лет, [стр. 38] мы вполне можем поверить, что численность войска Ксеркса превзошла все когда-либо собиравшиеся в древности, а возможно, и во всей известной истории. Но было бы опрометчиво пытаться назвать точную цифру при полном отсутствии достоверных данных. И если Фукидид признавал невозможность установить точное число даже небольших греческих армий, сражавшихся при Мантинее, [60] нам не стоит стыдиться своего неумения подсчитать азиатские толпы в Дориске.

Впрочем, можно отметить, что, несмотря на подкрепления, полученные позже во Фракии, Македонии и Фессалии, вряд ли общая численность войска продолжала расти: Геродот не учитывает дезертирство, которое должно было быть весьма значительным в таком неорганизованном, разнородном войске, не заинтересованном в походе, где численность каждого отдельного контингента оставалась неизвестной.

Ктесий определяет общую численность войска в восемьсот тысяч человек и тысячу триер, не считая боевых колесниц. Если он учитывает экипажи триер отдельно от восьмисот тысяч, что кажется вероятным, то общее число значительно превысит миллион. Элиан называет совокупную численность в семьсот тысяч человек [стр. 39]. Диодор [61], по-видимому, частично следует Геродоту, а частично другим источникам. Ни один из этих свидетельств не позволяет нам исправить Геродота в вопросе, где мы вынуждены ему не верить. Он, в некотором роде, первоисточник, поскольку явно беседовал с людьми, присутствовавшими на смотре в Дориске, передавая как их представления о численности, так и официальные подсчеты, верные или ложные, распространявшиеся среди них властями. Кроме того, современный ему Эсхил, полностью соглашаясь с ним в количестве триер, не приводит конкретных цифр относительно сухопутных сил, но в «Персах» передает общее впечатление огромного числа, которое может казаться соответствующим самым большим цифрам Геродота: Персидская империя опустошена от мужчин, женщины Сузы остались без мужей и братьев, даже старики не остались в Бактрии [62]. Устрашающий эффект [стр. 40] этой массы людей был, вероятно, столь же велик, как если бы её численность действительно соответствовала представлениям Геродота.

После завершения пересчёта Ксеркс проехал в колеснице мимо каждого из отрядов, осмотрел их снаряжение и задавал вопросы, ответы на которые записывали царские писцы. Затем он поднялся на борт сидонской триеры, уже оборудованной позолоченным шатром, и проплыл вдоль носов своего огромного флота, стоявшего на якоре в линию примерно в четырёхстах футах от берега, причём каждый корабль был полностью укомплектован для боя. Такое зрелище не могло не вызвать чувства надменной уверенности, и именно в таком настроении он немедленно послал за Демаратом, изгнанным царём Спарты, находившимся среди его союзников, — чтобы спросить, можно ли вообще представить сопротивление греков такой силе. Их разговор, драматично переданный Геродотом, является одним из самых впечатляющих проявлений духа в греческой литературе [63]. Демарат уверяет его, что спартанцы [стр. 41] несомненно, а дорийцы Пелопоннеса, вероятно, будут сопротивляться до смерти, каким бы ни было

численное превосходство. Ксеркс встречает это заявление насмешкой, но не проявляет недовольства: достойный контраст с обращением с Харидемом полтора века спустя при последнем персидском монархе [64].

После завершения смотра Ксеркс с армией двинулся на запад тремя отрядами по трём разным дорогам через земли семи различных фракийских племён, среди которых были рассеяны греческие прибрежные колонии. Всё ещё находясь в пределах своей империи, он пополнял войска за счёт каждого пройденного региона. Только фракийские сатры избежали этой повинности благодаря своим неприступным поселениям среди лесов и снегов Родоп. Острова Самофракия и Фасос с их подчинёнными городами на материке, а также греческие колонии Дикея [65], Маронея и Абдера были поочерёдно обложены данью в виде кораблей или людей; но что было ещё разорительнее, их заставили обеспечивать дневное пропитание для огромного войска во время его прохождения: в день его визита Великий Царь был их гостем. Задолго до этого были разосланы соответствующие приказы, и многие месяцы граждане усердно собирали провизию для армии, а также деликатесы для монарха – мололи пшеничную и ячменную муку, откармливали скот, выращивали птицу, а также готовили золотую и серебряную посуду для царского обеда. Для Ксеркса и его ближайшего окружения воздвигался роскошный шатёр, в то время как войско получало пайки в открытой местности вокруг. На следующее утро, при возобновлении марша, шатёр со всем его богатым содержимым разграблялся, и ничего не возвращалось тем, кто его предоставил. Разумеется, столь огромное войско, которое пересекало двойной Геллеспонтский мост семь дней и семь ночей, должно было также многие дни идти через территорию каждого города, оставаясь на его содержании, так что расходы доводили их до грани разорения, а в некоторых случаях даже вынуждали покидать дома. Затраты города Фасоса на эти цели, связанные с их владениями на материке, составили не менее четырёхсот талантов [66] (эквивалентно девятистам двум тысячам восьмистам фунтам). В Абдере остроумный Мегакreon посоветовал своим согражданам всем народом отправиться в храмы и возблагодарить богов за то, что Ксеркс удовольствовался одним обедом в день. Если бы царь потребовал ещё и завтрак, абдеритам пришлось бы выбирать между изгнанием и полным разорением [67]. Река Лисс, не отличавшаяся, по-видимому, значительными размерами, была, как говорят, выпита войском, как и довольно большое озеро близ Пистира [68].

По территории эдонских фракийцев и пьерийцев, между Пангейскими горами и морем, Ксеркс со своим войском достиг реки Стримон у важного пункта, называемого Эннея Годой, или Девять Дорог, впоследствии известного благодаря основанию Амфиополя. Через реку уже были переброшены мосты, которым маги-жрецы воздали торжественные почести, принеся в жертву белых лошадей и бросив их в реку. Но религиозные чувства царя не были удовлетворены без более ценных жертвоприношений, к которым персы часто прибегали: здесь он заживо похоронил девять местных юношей и девять девушек в честь Девяти Дорог, названия этого места: [69] кроме того, он оставил на попечение пеонийцев из Сируса священную колесницу Зевса, привезенную из столицы империи, но, несомненно, оказавшуюся неудобной в походе. От Стримона он двинулся вдоль Стримонского залива, пройдя через земли бисалтов, мимо греческих колоний Аргил и Стагир, пока не достиг греческого города Аканф, расположенного у перешейка Афона, недавно прорытого. Свирепый царь бисалтов [70] отказался подчиниться Ксерксу, бежал в Родопы ради безопасности и запретил своим шести сыновьям присоединяться к персидскому войску. К несчастью для них, они ослушались, и когда вернулись, он приказал ослепить всех.

Все греческие города, мимо которых прошел Ксеркс, подчинялись его приказам достаточно охотно, и, вероятно, немногие сомневались в конечном успехе столь грандиозного воинства. Но жители Аканфа особенно отличились усердием и усилиями при прорытии канала и, вероятно, извлекли немалую выгоду во время работ; Ксеркс теперь отблагодарил их усердие, [стр. 44] заключив с ними узы гостеприимства, сопровождая это похвалами и дарами, хотя,

кажется, не освободил их от обязанности содержать армию, пока она находилась на их территории. Здесь он расстался со своим флотом, которому было приказано плыть через канал Афона, обогнуть два юго-западных мыса Халкидического полуострова, войти в Термейский залив и ждать его прибытия в Термы. По пути флот пополнился войсками из греческих городов на полуостровах Ситония и Паллена, а также на восточной стороне Термейского залива, в области, называемой Крусида, или Кроссэя, на материковой стороне перешейка Паллены. Эти греческие города были многочисленны, но каждый по отдельности не имел большого значения. У Терм (Салоники) в Мигдонии, в глубине залива и к востоку от устья Аксия, флот ожидал прибытия Ксеркса сухопутным путем из Аканфа. Похоже, его марш был трудным, и он выбрал путь, уходящий далеко вглубь материка, через Пеонию и Крестонию – дикую, лесистую и нехоженую страну, где на его выючных верблюдов нападали львы и где водились также дикие быки невероятных размеров и свирепости. Наконец он воссоединился со своим флотом в Термах и разместил армию по всей Мигдонии, древней Пьерии и Боттике вплоть до устья Галиакмона. [71]

Теперь Ксеркс достиг мест, откуда был виден Олимп – северная граница собственно Эллады; его поход проходил только по подчиненным территориям, с заранее заготовленными запасами для пропитания армии, с дополнительными контингентами, набранными по пути, и, вероятно, с фракийскими добровольцами, присоединившимися в надежде на добычу. Дорога, по которой он прошел, еще во времена Геродота [72] почиталась фракийцами с благоговением и была защищена как от вторжений, так и от обработки. Македонские цари, последние из его западных данников, на чьей территории он теперь оказался, – вместе с фессалийскими Алевадами – взялись провести его дальше. Пока задача не казалась сложной: какие меры предпринимали греки, чтобы противостоять ему, будет рассказано в следующей главе.

Глава XXXIX. СОБЫТИЯ В ГРЕЦИИ ОТ МАРАФОНСКОЙ БИТВЫ ДО БИТВЫ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ.

Наши сведения о делах Греции сразу после отражения персов при Марафоне крайне скудны.

Клеомен и Леотихид, два царя Спарты (первый принадлежал к старшей, или Еврисфенидской, а второй – к младшей, или Проклидской, ветви), вступили в сговор с целью свержения прежнего царя Проклидской линии Демарата. Клеомен даже зашел так далеко, что подкупил дельфийскую жрицу ради этой цели. Когда вскоре его махинации раскрылись, он настолько испугался гнева спартанцев, что бежал в Фессалию, а оттуда – в Аркадию, где использовал всё влияние своего царского статуса и героического происхождения, чтобы настроить аркадский народ против своей родины. Спартанцы, в свою очередь встревоженные, добровольно предложили ему вернуться, пообещав амнистию. Однако его возвращение к власти было недолгим: его обычная вспыльчивость переросла в явное безумие – он начал бить палкой всех, кто попадался на пути, и родственникам пришлось заковать его в цепи под надзором илота. Однажды угрозами он вынудил стражника отдать ему меч, после чего ужасно изуродовал себя и погиб.

Такая ужасная смерть неизбежно получила религиозное толкование, но какой именно из его грехов навлек на него божественный гнев, было трудно определить. Большинство греков приписывали это его преступлению – подкупу пифийской жрицы [73]. Однако афиняне и аргосцы выдвинули собственные версии: первые считали, что боги наказали спартанского царя за вырубку деревьев в священной роще Элевсина, а вторые видели в этом месть героя Аргоса, чью рощу Клеомен сжег [стр. 46] вместе с множеством воинов-молящих, искавших в ней убежища. Не выбирая между этими версиями, Геродот ограничивается мнением, что жалкая смерть Клеомена стала искуплением за его поступки по отношению к Демарату. Но больше всего удивляет то, что спартанцы, обычно более склонные, чем другие греки, объяснять необычные события божественным вмешательством, на этот раз увидели лишь обычную физическую причину: по их словам, Клеомен сошел с ума из-за привычки к пьянству, перенятой у скифских послов, прибывших в Спарту [74].

Смерть Клеомена и урон его репутации побудили эгинцев подать жалобу в Спарту по поводу десяти заложников, которых Клеомен и Леотихид забрали с острова незадолго до вторжения персов под командованием Датиса в Аттику и оставили в Афинах в качестве гарантии безопасности от нападения Эгины в тот критический момент. Леотихид, как оставшийся в живых соучастник Клеомена в этом деле, стал объектом жалобы эгинцев. Хотя эта мера несомненно была полезна для общего дела Греции [75], недовольство лакедемонян покойным царем и его действиями было столь велико, что Леотихида публично судили и приговорили к выдаче эгинцам в качестве искупительной жертвы. Когда те уже собирались увести пленника, знатный спартанец по имени Теасид указал им на опасность, которой они подвергаются, оскорбляя царскую особу: спартанцы, по его словам, вынесли приговор в порыве гнева, который мог смениться сочувствием, если бы они увидели его исполнение.

В итоге эгинцы отказались от исполнения приговора, ограничившись требованием, чтобы Леотихид отправился с ними в Афины и потребовал возвращения заложников. Однако афиняне отказались их выдать, несмотря на настойчивые заверения спартанского царя о священной обязанности возвращать вверенное имущество [стр. 47]. Они оправдывали отказ тем, что заложники были переданы двумя царями совместно и не могли быть возвращены одному из них. Но, вероятно, они помнили, что заложники были оставлены не столько как вклад,

сколько как гарантия против враждебных действий Эгины – и от этой гарантии они не хотели отказываться.

Леотихид, вынужденный отступить без успеха, эгинеты решили принять меры возмездия самостоятельно: они дождались момента праздника, отмечаемого каждые пять лет на Сунии, во время которого специально оборудованный корабль с ведущими афинянами на борту в качестве Теоров, или священных послов, отплывал туда из Афин. Этот корабль они сумели захватить и взяли в плен всех, кто был на борту, доставив их на Эгину. Произошел ли обмен пленными или же пленники и заложники с обеих сторон были казнены, мы не знаем; но следствием их действий стала активная и решительная война между Афинами и Эгиной [77], начавшаяся, по-видимому, около 488 или 487 г. до н. э. и длившаяся до 481 г. до н. э., года, предшествовавшего вторжению Ксеркса.

Эгинетский гражданин по имени Никодром воспользовался этой войной, чтобы продвинуть заговор против правительства острова: считая себя ранее несправедливо изгнанным, он организовал восстание народа против правящей олигархии, договорившись с афинянами о одновременном вторжении в поддержку своего плана. В назначенный день он поднял своих [стр. 48] сторонников с оружием и захватил Старый Город – укрепленное место, которое со временем уступило более современному городу на побережье, менее защищенному, но более удобному [78]. Однако афиняне не появились, и без них он не смог удержаться: ему пришлось бежать с острова, став свидетелем полного разгрома своих сторонников – большая их часть, семьсот человек, попала в руки правительства и была казнена.

Лишь один из пленников разорвал цепи, бежал в святилище Деметры Тесмофоры и успел схватиться за дверную ручку, прежде чем его настигли. Несмотря на все попытки силой оттащить его, он судорожно вцепился в нее: преследователи не осмелились убить его в таком положении, но отрубили ему руки, а затем казнили, оставив кисти висеть и сжимать [79] дверную ручку, где они, по-видимому, оставались долгое время.

Казнь семисот пленников, кажется, не навлекла на эгинетскую олигархию ни божественной кары, ни осуждения современников; но осквернение святилища в случае того несчастного, которому отрубили руки, было преступлением, которое богиня Деметра так и не простила. Более чем пятьдесят лет спустя, в первый год Пелопоннесской войны, эгинеты, ранее покоренные Афинами, были окончательно изгнаны со своего острова: это изгнание стало божественным возмездием за древнее нечестие, которое даже полвека искупительных жертв не смогли стереть [80].

Афиняне, которые должны были помочь Никодрому, прибыли на Эгину на день позже. Их действия задержала необходимость заимствовать двадцать трирем у коринфян в дополнение к пятидесяти своим. С этими семьюдесятью кораблями они разгромили эгинетов, вышедших против них с флотом равной численности, а затем высадились на острове. Эгинеты запросили помощи у Аргоса, но тот город был либо слишком недоволен ими, либо слишком истощен после поражения от спартанца Клеомена, чтобы помочь. Тем не менее, тысяча аргосских добровольцев под предводительством прославленного пентатлониста Еврибата прибыла им на помощь, и началась ожесточенная война с переменным успехом против афинского войска.

На море афиняне потерпели поражение, будучи атакованы в момент, когда их флот был в беспорядке, и потеряли четыре корабля с экипажами. На суше они добились большего успеха, и лишь немногие из аргосских добровольцев вернулись домой. Их предводитель, Еврибат, полагаясь на свою силу и мастерство, вызвал на поединок лучших афинских воинов: он убил троих подряд, но четвертый, Софан из Декелеи, одолел его [81]. В конце концов, захватчикам пришлось покинуть остров без решительного результата, и война, по-видимому, [стр. 50] продолжалась частыми набегами и каперством с обеих сторон – в чем активное участие принимали Никодром и эгинетские изгнанники, поселенные Афинами у побережья Аттики близ Суния [82]; в целом преимущество оставалось на стороне Афин.

Ход этой войны, особенно провал предприятия Никодрома из-за задержки с заимствованием кораблей у Коринфа, хорошо показал афинянам необходимость увеличения своего флота. Именно с этого времени мы отмечаем у них первые ростки той решительной склонности к морской активности, которая так удачно совпала с расширением их демократии и открыла новую эпоху в греческой истории, а также новый путь для них самих.

Волнующее впечатление, произведённое на них отражением персов при Марафоне, было подробно рассмотрено в моём предыдущем томе. Мильтиад, победитель в той битве, будучи устранён со сцены при обстоятельствах, уже описанных, оставил Аристиду и Фемистокла главными деятелями Афин. В следующем году Аристид был избран архонтом. Его безупречная честность в исполнении должностных обязанностей снискала ему глубокое уважение среди большинства граждан, хотя не обошлось и без активных врагов, в числе которых были и те, кто пострадал от его правосудия. Эти враги естественным образом стали сторонниками его соперника, Фемистокла, обладавшего всеми талантами, необходимыми для их объединения. Соперничество между двумя лидерами стало настолько ожесточённым и угрожающим, что, по некоторым свидетельствам, даже сам Аристид сказал: «Если бы афиняне были мудры, они бросили бы нас обоих в барафрон».

При таких обстоятельствах можно смело утверждать, что мир в стране сохранялся в основном благодаря институту остракизма, о котором так много говорилось в предыдущем томе. После трёх или четырёх лет непрерывного политического соперничества два лидера решили обратиться к голосованию об остракизме, и Аристид был изгнан.

[стр. 51] О конкретных причинах их соперничества мы, к сожалению, мало осведомлены. Однако весьма вероятно, что одной из них была важная перемена в политике, упомянутая выше – превращение Афин из сухопутной державы в морскую, развитие этого нового и волнующего элемента в сознании народа. Все авторитетные источники приписывают эту перемену в политике главным образом и в особенности Фемистоклу [83]. По этой причине, если не по какой-либо другой, Аристид, вероятно, выступал против неё. Более того, эта перемена не соответствовала тому старому эллинскому духу, неизменному укладу жизни и узкому кругу активных обязанностей и опыта, который Аристид, по-видимому, одобрял, как и позднейшие философы.

Моряк по природе был более склонен к странствиям и космополитизму, чем тяжелооружённый пехотинец: даже современный греческий моряк в этом отношении паразитен, отличаясь разнообразием идей и быстротой ума [84]. Служба на суше олицетворяла устойчивость и негибкий строй, тогда как морская служба – изменчивость и приключения. Такую точку зрения активно поддерживали Платон и другие философы [85], хотя стоит заметить, что они не отдают должного афинскому моряку, чья подготовка была гораздо более совершенной и напряжённой, а привычка к повиновению – гораздо более полной [86], чем у афинского гоплита или всадника. Эта подготовка началась при Фемистокле и достигла полного совершенства к началу Пелопоннесской войны.

Рекомендуя чрезвычайные усилия для создания флота и приобретения морского опыта, Фемистокл проявил ту дальновидную оценку обстоятельств и опасностей времени, за которую его хвалит Фукидид. Несомненно, что Аристид, хотя и был более честным политиком, в этот конкретный кризис оказался менее полезен своей стране.

Помимо борьбы с Эгиной, морской державой, равной или даже превосходящей Афины и находившейся в прямой видимости от афинской гавани, существовала и более грозная угроза в отдалённой перспективе. Персидское войско было с позором изгнано из Аттики обратно в Азию, но персидский царь сохранил неизменные средства для агрессии и возросшую жажду мести. Фемистокл хорошо понимал, что опасность с этой стороны вернётся с ещё большей силой. Он считал, что это произойдёт тем же путём – через экспедицию через Эгейское море,

подобную походу Датиса на Марафон [87], против которого лучшей защитой станет многочисленный и хорошо обученный флот.

Кроме того, масштабные приготовления Дария к новому нападению не могли остаться незамеченными для бдительного наблюдателя, учитывая, сколько греков находилось под властью Персидской империи. Такое явное предупреждение более чем достаточно стимулировало деятельный гений Фемистокла, который теперь убедил своих сограждан энергично взяться за морские приготовления – как против Эгины, так и против Персии [88].

Было построено двести новых кораблей, граждане обучены морскому делу, а также начата важная работа по созданию и укреплению новой гавани для Афин в Пирее вместо старого открытого залива Фалерона. Последний, конечно, был несколько ближе к городу, но Пирей с его тремя естественными портами [89], которые можно было закрыть и укрепить, был несравненно безопаснее и удобнее.

Не будет преувеличением сказать вместе с Геродотом, что «война с Эгиной стала спасением для Греции, заставив афинян превратиться в морскую державу» [90]. Вся эффективность последующего сопротивления Ксерксу зависела от этого нового этапа в организации Афин, который, благодаря счастливому стечению обстоятельств, успел достичь достаточной завершенности. Ведь важная задержка в десять лет между поражением при Марафоне и новым вторжением, которое должно было его отомстить, на самом деле была результатом случайностей.

Сначала восстание Египта, затем смерть Дария, наконец, безразличие Ксеркса в первые годы его правления к эллинским делам – всё это отложило до 480 г. до н. э. вторжение, которое естественным образом должно было произойти в 487 или 486 г. до н. э. и застало бы Афины в тот момент без их «деревянных стен» – главного инструмента их последующего спасения. [стр. 53]

Еще одна случайная помощь, без которой новый флот не мог бы быть построен, – значительные государственные средства, – также по счастливой случайности оказалась доступной афинянам. Впервые мы узнаем о серебряных рудниках Лаврия [91] в Аттике и их ценных доходах для государства из выразительного отрывка поэта Эсхила, а затем – от Геродота в данном контексте. Рудники располагались в южной части территории, недалеко от мыса Суний [92], среди холмов, простиравшихся между восточным побережьем у Торики и западным у Анафлиста.

О том, когда их начали разрабатывать, у нас нет сведений, но вряд ли это происходило активно и прибыльно до изгнания Гиппия и установления демократического строя Клисфена. Ни ожесточенные местные распри, раздиравшие Аттику до времени Писистрата, ни правление тирана и его сыновей не способствовали уверенности и развитию. Однако когда демократия Клисфена объединила Аттику в единую систему с равными правами для всех регионов и общим центром в Афинах, контроль центральной власти над минеральными ресурсами страны и ее способность обеспечить соблюдение договоров с частными предпринимателями дали новый импульс частной добыче в Лаврии.

Афинское правительство либо продавало, либо сдавало в долгосрочную аренду участки этого богатого района частным лицам или компаниям – за единовременную плату и ежегодную ренту, равную 1/24 валовой продукции.

Геродот сообщает, что в афинской [стр. 55] казне во время предложения Фемистокла увеличить флот находилась крупная сумма [93] от Лаврийских рудников, которую собирались распределить между гражданами – по 10 драхм на человека. Вероятно, эти средства поступили от недавних продаж или штрафов, поскольку небольшая ежегодная рента вряд ли могла накопиться за много лет. Видимо, частные предприниматели недавно расширили добычу по контрактам с государством, что привело к такому изобилию в казне и позволило планировать раздачу.

Фемистокл воспользовался этой возможностью, указав на угрозу войны с Эгиной и еще более серьезную опасность от персов, и убедил народ отказаться от раздачи ради создания мощного флота. [94] Несомненно, многие ораторы пытались снискать популярность, выступая против этого предложения и поддерживая раздачу, но способность народа поставить долгосрочные интересы выше сиюминутной выгоды свидетельствовала о его будущем величии.

Воздаяние за эту самоотверженность оказалось огромным – не только для Афин, но и для всей Греции, когда приготовления Ксеркса стали очевидны. Приказы о снаряжении кораблей и заготовке провизии, отданные Великим царем подвластным грекам Малой Азии, Эгеиды и Фракии, стали известны в материковой Греции. Особенно впечатлял грандиозный канал через Афон, о котором с восхищением рассказывали фасосцы и аканфяне, посещавшие игры в Пелопоннесе. Все эти признаки были настолько явными, что не требовалось даже хитроумной уловки изгнанного Демарата, [стр. 57] якобы тайно предупредившего Спарту о готовящемся походе. [95]

Ксеркс открыто объявлял Афины главной целью своего гнева, [96] что давало другим городам надежду избежать расправы. Поэтому перспектива вторжения поначалу не вызвала у них единодушного сопротивления. Когда осенью 481 г. до н. э., перед походом к Геллеспонту, первые персидские послы потребовали от греков «земли и воды», многие склонялись к submission.

Ни в Афины, ни в Спарту послы не явились, что с самого начала объединило эти города в необходимости обороны. Оба государства в этот критический момент обратились к Дельфийскому оракулу и совместно созвали общегреческий конгресс на Коринфском перешейке для организации отпора захватчику.

В предыдущем томе я указал на различные этапы, благодаря которым отдельные государства Греции постепенно, даже вопреки своим естественным инстинктам, приближались к чему-то, напоминающему политическое объединение. Нынешний конгресс, собравшийся под влиянием общего страха перед Персией, носит более панэллинский характер, чем любое другое политическое событие в греческой истории до сих пор. Он выходит далеко за пределы тех пелопоннесских государств, которые составляют ближайших союзников Спарты: он включает Афины и даже отчасти созван благодаря их настойчивым усилиям; более того, он стремится объединить каждый город эллинской расы и языка, как бы далек он ни был, если только его можно убедить принять участие – даже критян, коркирян и сицилийцев. Правда, не все эти государства действительно прибыли, но были приложены искренние усилия, чтобы побудить их приехать: рассеянные братья эллинской семьи умоляли встать в одни ряды для общей политической цели [97] – защиты общего [р. 58] очага и метрополии их народа. Это новый факт в греческой истории, открывающий сцены и идеи, непохожие на все, что было прежде, – вероятно расширяющий функции и обязанности, связанные с главенством над Грецией, которое до сих пор находилось в руках Спарты, но которое вот-вот станет слишком обширным, чтобы она могла с ним справиться, – и тем самым способствующий развитию привычки к сотрудничеству среди подчиненных государств, а также соперничающих надежд на усиление среди лидеров. Конгресс на Коринфском перешейке знаменует собой дальнейший прогресс в централизаторских тенденциях Греции и поначалу кажется обещающим движение вперед в том же направлении, но, как окажется, это обещание не будет исполнено.

Первым шагом конгресса, однако, стало нечто поистине неоценимое. Хотя большинство присутствующих депутатов прибыли, готовые от имени своих городов поклясться во взаимной верности и братстве, они также направили все усилия на то, чтобы уладить распри и разногласия, царившие между отдельными участниками их собрания. Самым заметным и опасным из них была война, все еще продолжавшаяся между Афинами и Эгиной. Последняя даже сейчас не была свободна от подозрений в «медизации» [98], то есть в поддержке персов, возникших из-за того, что она десять лет назад дала землю и воду Дарию; но ее нынешнее поведение

не давало повода для таких подозрений: она искренне участвовала в конгрессе и совместных мерах обороны и охотно согласилась урегулировать свои разногласия с Афинами [99]. В этой работе по примирению враждующих сторон, столь важной для безопасности Греции, активное участие принимали афинянин Фемистокл и Хейлей из Тегеи в Аркадии [100]. Конгресс отправил послов с целью добиться сотрудничества от тех городов, которые все еще колебались или оставались равнодушными, особенно от Аргоса, Керкиры, а также критских и сицилийских греков, – и одновременно направил лазутчиков в Сарды, чтобы выяснить состояние и перспективы собравшейся там армии.

Вскоре эти лазутчики вернулись: их обнаружили и приговорили к смерти персидские военачальники, но отпустили по [р. 59] прямому приказу Ксеркса, который велел показать им всю мощь собранного войска, чтобы тем самым усилить страх греков. Этот шаг был хорошо рассчитан на достижение такой цели, но уныние в Греции в этот критический момент, когда буря вот-вот должна была обрушиться на них, уже достигло крайней степени. Даже для разумных и доброжелательных греков, не говоря уже о беспечных, трусливых или предательских, Ксеркс с его бесчисленным войском казался неодолимым и даже чем-то большим, чем человек [101]. Разумеется, такое впечатление усиливалось тем, что множество греков уже были его данниками; и мы даже можем усмотреть проявление желания избавиться от афинян вообще, как от главных объектов персидской мести и главного препятствия для спокойного подчинения. Это отчаяние в самом продолжении эллинской жизни и автономии прорывается даже из святилища эллинской религии – Дельфийского храма, когда афиняне в своем отчаянии и неуверенности отправились спросить оракула. Едва два их посланника совершили обычные жертвоприношения и сели во внутреннем помещении рядом с жрицей Аристонойкой, как она сразу воскликнула: «Несчастные, что вы сидите здесь? Оставьте вашу землю и город и бегите далеко! Голова, тело, ноги и руки – все сгнило: огонь и меч, следующие за сирийской колесницей, погубят вас. И не только ваш город, но и другие города, а также многие храмы богов – которые сейчас дрожат от страха, покрываются потом, и кровь, капающая с их крыш, предвещает тяжкие беды. Уходите прочь от святилища, с душами, полными скорби» [102].

[р. 60] Столь ужасный ответ редко срывался с уст жрицы. Послы были поражены им как громом и не осмелились отвезти его обратно в Афины. В своём горе они всё же обрели надежду благодаря влиятельному гражданину Дельф по имени Тимон (здесь, как и в других местах, прослеживается тайное влияние этих видных дельфийцев на жрицу), который посоветовал им взять символы мольбы и вторично обратиться к оракулу в этом умоляющем облике: «О владыка, умоляем тебя (сказали они), сжался над этими ветвями мольбы и даруй нам нечто более утешительное о нашей стране; иначе мы не покинем твоего святилища, но останемся здесь до самой смерти». На что жрица ответила:

«Афина со всеми её мольбами и всей её мудростью не может умиловать Олимпийского Зевса. [103] Но вот твёрдое, как адамант, обещание, которое я даю вам: когда всё прочее в земле Кекропа будет захвачено, Зевс дарует Афине, что лишь деревянная стена останется неприступной, чтобы защитить вас и ваших детей. Не ждите конного и пешего войска, идущего с материка, но обратитесь спиной и отступите: вам ещё суждено сразиться в другой день. О божественная Саламин, и ты погубишь детей женщин – либо во время посева, либо во время жатвы». [104]

Этот второй ответ был явным смягчением первого: он оставлял какую-то надежду на спасение, хотя и смутную, тёмную и непонятную, – и послы записали его, чтобы отвезти обратно в Афины, вероятно, не скрывая и ужасного предсказания, которое предшествовало ему. Когда ответ был зачитан народу, неясность его смысла породила множество толкований. Что подразумевалось под «деревянной стеной»? Некоторые полагали, что имеется в виду сам акрополь, [р. 61] изначально окружённый деревянной оградой. Но большинство, включая профессиональных толкователей пророчеств, утверждало, что деревянная стена – это флот. Однако эти

толкователи, заявляя, что бог велел афинянам сесть на корабли, отвергали саму мысль о морском сражении и настаивали на необходимости навсегда покинуть Аттику: последние строки оракула, где говорилось, что Саламин погубит детей женщин, казались им предзнаменованием неминуемого поражения в случае морской битвы.

Таково было мнение тех, кто считался лучшими толкователями воли богов, и оно полностью соответствовало охватившему всех отчаянию, усиленному ужасным первым пророчеством. Эмиграция в чужие земли казалась единственным спасением даже для их жизней. Судьба Афин – а значит, и всей Греции, которая без Афин оказалась бы беззащитной, – висела на волоске, когда Фемистокл, создатель флота, вмешался с непоколебимой твёрдостью и изобретательностью, чтобы обеспечить его правильное использование. Он утверждал, что если бы бог хотел указать на Саламин как место поражения греков, то назвал бы его «несчастный Саламин». Но поскольку оракул назвал его «божественный Саламин», это означало, что гибель уготована врагам Греции, а не самим грекам. Поэтому он призвал сограждан покинуть город и страну и довериться флоту как «деревянной стене», рекомендованной богом, но с твёрдым намерением сражаться и победить на море. [105]

Велики были последствия, зависевшие от этой смелой интерпретации. Если бы афиняне не убедились этим правдоподобным толкованием, что оракул поощряет, а не запрещает морскую битву, они в своём подавленном состоянии отказались бы от всякой мысли о сопротивлении.

Но даже с такой обнадеживающей трактовкой лишь непоколебимая решимость и патриотизм позволили афинянам выстоять перед столь ужасными пророчествами дельфийского бога и продолжить сопротивление вместо поиска спасения в бегстве. Геродот особо подчёркивает эту истину: [106] более того, он даже отступает от своего повествования, чтобы заявить, что истинной спасительницей Греции были Афины.

Писавший в начале Пелопоннесской войны – в то время, когда Афины достигли пика своего могущества, вызывая страх, ненависть и восхищение у большинства греческих государств, – Геродот знал, что его мнение будет непопулярно среди слушателей, и извиняется за него, как за нечто, вырванное у него против воли силой доказательств. [107]

Более того, [р. 63] афиняне не только осмелились остаться и сражаться против превосходящих сил: они, и только они, вложили в общее дело ту энергию и инициативу, которые обеспечили успех, [108] как будет видно далее. Но был и третий, не менее важный, вклад Афин.

Как только в Коринфском перешейке собрался совет представителей, возник вопрос о главенстве. В отношении сухопутных сил первенство Спарты не оспаривалось. Но её претензии на командование флотом были спорными, поскольку она предоставила не более шестнадцати кораблей и мало (или вовсе никаких) морских навыков, тогда как Афины выставили две трети всего флота с лучшими кораблями и экипажами.

Сначала было предложено, чтобы Афины командовали на море, а Спарта – на суше. Но большинство союзников решительно воспротивилось, заявив, что будут подчиняться только спартамцам. К чести афинян, они сразу отказались от своих притязаний, увидев, что единство союзных сил в этот критический момент может быть нарушено. [109]

Чтобы оценить этот великодушный отказ от столь справедливых притязаний, нужно помнить, что стремление к первенству было одной из главных черт греческого характера – источником их величия и доблести, но также и многих бед и преступлений. Отказаться от личной славы и чести во имя общего блага – пожалуй, самая редкая добродетель среди сынов Эллады.

Таким образом, мы видим афинян, настроенных на решительное сопротивление, – готовых увидеть свою страну опустошенной и жить, а также сражаться на кораблях, когда в этом возникнет необходимость, – предоставивших две трети всего флота и тем не менее продолжавших строить новые корабли до последнего момента [110], – выдвинувших самого способного

и деятельного лидера общего дела, в то время как сами они, подобно другим государствам, согласились служить под предводительством Спарты.

В течение зимы, предшествовавшей выступлению Ксеркса из Сард, собрание на Истме пыталось, с малым успехом, объединить греческие города для совместных действий. Среди городов к северу от Аттики и Пелопоннеса большинство либо склонялось к подчинению, как Фивы и большая часть Беотии, либо проявляло равнодушие к делу независимости – настолько редким в этот критический момент (по словам несчастных плательщиков пятьдесят три года спустя) было проявление решительного эллинского патриотизма против захватчика [111]. Даже в глубине Пелопоннеса могущественные Аргос сохранял двусмысленный нейтралитет.

Одним из первых шагов собрания было отправление специальных послов в Аргос, чтобы изложить общую опасность и просить о сотрудничестве; результат был таков, что сотрудничества добиться не удалось – аргосцы не предприняли ничего в течение всей борьбы; но относительно их истинной позиции или причин отказа до слуха Геродота доходили противоречивые сведения. Они сами утверждали, что были готовы присоединиться к эллинскому делу, несмотря на предостережения Дельфийского оракула, – требуя лишь условий: чтобы спартанцы заключили с ними перемирие на тридцать лет и разделили бы поровну с Аргосом главенство в союзе.

К предложенному перемирию возражений, вероятно, не было, как не было их и против принципа раздела главенства; но спартанцы добавили, что у них два царя, тогда как у аргосцев только один, и поскольку ни одного из спартанских царей нельзя лишить его голоса, аргосский царь мог бы получить лишь треть голоса совместно с ними. Это предложение показалось аргосцам, считавшим, что даже нераздельное главенство было не более чем их древним правом, ничем [стр. 65] иным, как наглым посягательством, и настолько их разгневало, что они потребовали от послов покинуть их территорию до захода солнца, – предпочитая даже подчинение Персии формальному унижению перед Спартой [112].

Такова была версия, рассказанная самими аргосцами, но, по-видимому, не принятая ни другими греками, ни самим Геродотом. Преобладало мнение, что аргосцы имели тайное соглашение с Ксерксом, а некоторые даже утверждали, что именно они пригласили его в Грецию как средство защиты и мести против Спарты после их поражения от Клеомена. И сам Геродот, очевидно, верил, что они «медизировали» (были на стороне персов), хотя он почти боится сказать это прямо и маскирует свое мнение в тумане слов, выдающем яростные споры, продолжавшиеся по этому поводу даже пятьдесят лет спустя [113].

Достоверно, что на деле аргосцы сохраняли [стр. 66] нейтралитет, и одной из причин этого было их нежелание присоединяться к общегреческому ополчению иначе как в роли предводителей; но, вероятно, более важной причиной было то, что они разделяли широко распространенное тогда в Греции впечатление о неодолимости приближающегося войска и предпочли оставаться в стороне, готовясь к любому исходу. Они поддерживали тайные переговоры даже с персидскими агентами, но не связывали себя, пока ситуация оставалась неопределенной; и, учитывая их враждебность к Спарте, не исключено, что они были бы довольны, если бы персы победили – все это вполне можно назвать «медизмом».

Отсутствие эллинской верности в Аргосе нашло параллель в примерах Крита и Керкиры, куда также отправились послы с Истма. Критяне отказались участвовать, ссылаясь на запрет оракула [114]; керкиряне пообещали помощь, но не выполнили своего обещания и даже не собирались его выполнять. Их нейтралитет был серьезной потерей для греков, поскольку они могли выставить флот из шестидесяти триер, уступавший лишь афинскому. С этим значительным подкреплением они обязались присоединиться к греческому флоту и даже вышли в море, но намеренно не обогнули мыс Малей и не достигли места сражения. Их флот оставался у южного или западного побережья Пелопоннеса под предлогом неблагоприятных ветров, пока не стал известен исход битвы при Саламине. Они полагали, что персидский царь

одержит победу, и тогда могли бы сослаться на то, что не успели вовремя; но у них был наготове и правдоподобный предлог – задержка из-за шторма, когда результат оказался иным, и греки упрекали их за отсутствие [115].

Такое двуличие не слишком удивительно, если вспомнить, что для Керкиры было обычной политикой держаться в стороне от эллинских союзов [116]. Послы, посетившие Керкиру, продолжили свою миссию к Гелону, деспоту Сиракуз. Об этом властителе, которого Геродот считал могущественнее любого государства в Греции, я расскажу подробнее в одной из последующих глав: пока же достаточно сказать, что он не оказал никакой помощи против Ксеркса. Да и не в его власти было это сделать, каковы бы ни были его намерения, ибо в том самом году, когда персидский царь двинулся на Грецию, карфагеняне предприняли грозное вторжение на Сицилию, вынудив сицилийских греков оборонять свой собственный остров. Более того, весьма вероятно, что эти одновременные вторжения были согласованы между персами и карфагенянами. [117]

Таким образом, усилия греческих послов на Истме не принесли их делу никакой поддержки, кроме пустых обещаний керкирян. Ближе к моменту, когда Ксеркс должен был переправиться через Геллеспонт, в начале 480 г. до н. э., по настоянию фессалийцев был сделан первый реальный шаг к сопротивлению. Хотя знатный фессалийский род Алевадов находился в свите Ксеркса и наиболее рьяно уговаривал его вторгнуться в Грецию, уверяя, что их соплеменники покорно подчинятся, на деле эти обещания оказались несостоятельными: Алевады возглавляли лишь меньшинство и, возможно, даже находились в изгнании, как Писистратиды. [118] Большинство же фессалийцев было настроено сопротивляться Ксерксу, и теперь они отправили послов на Истм, [119] указывая на необходимость защитить проходы у Олимпа – самого северного входа в Грецию. Они предложили свою полную поддержку в этой обороне, добавив, что вынуждены будут подчиниться персам отдельно, если их просьбу проигнорируют.

В результате десять тысяч греческих гоплитов под командованием спартанца Евзетта и афинянина Фемистокла [стр. 68] были отправлены морем в Галос в Фтиотиде, где высадились и двинулись сухопутным путем через Ахайю и Фессалию. [120] Соединившись с фессалийской конницей, они заняли Темпейское ущелье, через которое река Пеней пробивается к морю, прорезая горы Олимп и Осса.

Длинное, узкое и извилистое Темпейское ущелье было тогда, как и сейчас, единственным проходом из Нижней (приморской) Македонии в Фессалию, доступным как зимой, так и летом. Высокие горные склоны местами смыкаются так близко, что едва оставляют место для дороги, что делает ущелье идеальным для обороны – даже небольшой отряд мог бы здесь задержать целую армию. [121] Однако вскоре греки поняли, что удержать эту позицию невозможно: во-первых, мощный флот Ксеркса мог высадить войска у них в тылу; во-вторых, существовал и второй проход, доступный летом – из Верхней Македонии в Фессалию через горные перевалы Олимпа. Этот путь пролегал через земли перребов и выходил к Фессалии у Гонна, как раз там, где Темпейское ущелье начинает сужаться.

Именно этим вторым путем, избегая непреодолимых трудностей Темпы, [стр. 69] персидская армия должна была пройти под предводительством македонского царя Александра, их вассала и союзника. Он сообщил грекам в Темпейском ущелье о приближении бесчисленного войска, предупредив, что они будут смяты, и призвал их оставить безнадежную позицию. [122] Этот македонский правитель считался другом и, возможно, искренне пытался отговорить греков от бесполезного сопротивления Персии, но на деле он был крайне опасным посредником. Спартанцы имели все основания опасаться его, что подтвердится в дальнейшем. [123]

На тот момент греческие военачальники не знали о существовании другого входа в Фессалию, кроме Темпейского ущелья, пока не прибыли в этот регион. Возможно, можно было попытаться защитить оба прохода, учитывая огромную важность остановки персов на границах Эллады, и риск был бы оправдан. Однако неожиданное открытие, казалось, подтверждало

дружеский совет Александра, и греки, охваченные тревогой, продержались в Темпейском ущелье лишь несколько дней, после чего поспешно отступили к кораблям и вернулись морем на Коринфский перешеек – как раз в то время, когда Ксеркс переправлялся через Геллеспонт. [124]

Это поспешное отступление повлекло за собой крайне пагубные и деморализующие последствия. Оно оставило, по сути, всю Элладу к северу от горного хребта Киферон и территории Мегариды без защиты и послужило либо причиной, либо предлогом для большинства греческих государств к северу от этой границы подчиниться Ксерксу – что некоторые из них уже начали делать ранее. [125]

Когда Ксеркс в ходе своего продвижения достиг залива Термаикон, откуда были видны Олимп и Осса, прибывшие к нему вестники, отправленные ещё из Сард, принесли известия о покорности трети эллинского мира – фессалийцев, долопов, эниан, перребов, магнетов, локров, дорийцев, мелийцев, фтиотийских ахейцев и беотян – среди последних [стр. 70] числились и Фивы, но не Феспии или Платеи. Особенно фессалийцы не просто подчинились, но проявили активное рвение и оказали Ксерксу значительную поддержку, подстрекаемые Алевадами, чья партия теперь взяла верх. Вероятно, они были возмущены поспешным отступлением тех, кто пришёл их защищать. [126]

Если бы греки сумели удержать проходы у Олимпа и Оссы, все эти северные племена, возможно, присоединились бы к сопротивлению, а не стали пособниками захватчика. За те шесть недель или два месяца, что прошли между отходом греков из Темпы и прибытием Ксеркса к Ферме, не было выработано никакого нового плана обороны: лишь когда весть о его приближении достигла Истма, греческое войско и флот выдвинулись вперёд, чтобы занять Фермопилы и Артемисий. [127]

Глава XL. СРАЖЕНИЯ ПРИ ФЕРМОПИЛАХ И АРТЕМИСИИ.

Именно в то время, когда северные государства Греции одно за другим отступались от общего дела, собравшиеся на Истме послы дали между собой торжественный обет – в случае успеха наказать этих непокорных собратьев заслуженной карой: обложить их имущество десятиной, а возможно, и посвятить десятую часть их самих на благо дельфийского бога. Исключение делалось для тех государств, которые вынуждены были подчиниться в силу непреодолимой необходимости. [128] В тот момент подобный обет казался маловероятным к исполнению; это было проявление решительного настроения, спланивающего [стр. 71] государства, принявшие клятву, но вряд ли он мог сильно напугать остальных.

Единственным действенным способом удержать ненадежных союзников было продемонстрировать собственную силу; и теперь Фермопильский проход был избран в качестве наиболее удобной точки обороны после Темпейского – оставляя, по сути, и отдавая врагу фессалийцев, перребов, магнетов, фтиотийских ахейцев, долопов, эниан, малийцев и других, которые все оказались бы под ударом, если бы была сохранена прежняя линия. Однако новый рубеж охватывал наибольшую территорию, не жертвуя при этом безопасностью. Позиция при Фермопилах имела еще одно преимущество, которого не было у Темпе: здесь материк отделялся от острова Эвбея лишь узким проливом, шириной в самом узком месте около двух с половиной английских миль – между горой Кнемид и мысом Кенай. На северной части Эвбеи, прямо напротив Магнесии и Фтиотидской Ахайи, располагалась береговая линия, называемая Артемисий – название, происходящее от храма Артемиды, его самой заметной достопримечательности, принадлежавшей городу Гистиея. Было решено, что греческий флот соберется там, чтобы действовать совместно с сухопутными силами и противостоять продвижению персов сразу на двух фронтах. Бой в узком пространстве [129] считался выгодным для греков не только на суше, но и на море, поскольку их корабли были не только менее многочисленны, но и тяжелее на ходу, чем персидские. С позиции у Артемисия рассчитывали, что удастся помешать персидскому флоту продвинуться в узкий пролив, отделяющий Эвбею к северу и западу от материка и сужающийся между Халкидой и Беотией до ширины, позволяющей навести мост. Именно в этом последнем пункте греческие моряки предпочли бы организовать оборону, но занятие северной части Эвбейского пролива было необходимо, чтобы предотвратить высадку персидских войск в тылу защитников Фермопил.

Западная граница этого Эвбейского пролива образована тем, что [стр. 72] тогда называлось Малийским заливом, в который впадала река Сперхей – протекая с запада на восток между грядой горы Офрис на севере и горы Эты на юге – близ города Антикира. Нижнюю часть этой просторной и плодородной долины Сперхея занимали различные племена малийцев, граничащие на севере и востоке с Фтиотидской Ахайей. Южнейшие малийцы, с их городом Трахин, занимали равнину – местами довольно широкую, местами очень узкую – зажатую между горой Этой и морем. От Трахина хребет Эты тянулся на восток, вплотную примыкая к южному берегу Малийского залива: между ними лежал знаменитый Фермопильский проход. [130] На дороге от Трахина к Фермопилам, сразу за ними, у устья небольших речек Феникс и Асоп, стоял город Антела, известный своими храмами Амфиктиона и Амфиктионической Деметры, а также осенними собраниями Амфиктионского совета, для которого в храме были предусмотрены сидения.

Непосредственно рядом с Антелой северный склон мощного и протяженного хребта Эты подходил так близко к заливу – или, по крайней мере, к непроходимому болоту, окаймлявшему залив, – что оставлял лишь одну колею для колесниц. Этот узкий проход образовывал

западные ворота Фермопил. Немного восточнее, примерно в миле, повторялось такое же тесное соседство горы и моря, формируя восточные ворота Фермопил, недалеко от первого города локров – Альпены.

Пространство между этими двумя воротами было шире и более открыто, но выделялось (и до сих пор выделяется) обильным потоком термальных источников, соленых и сернистых. Здесь были устроены купальни, давшие месту название Хитри, или «Котлы». Однако минеральные воды разливали грязь и откладывали налет на всей прилегающей территории. Фокейцы незадолго до этого намеренно направили воду так, чтобы сделать проход совершенно [стр. 73] непроходимым, одновременно построив стену поперек него близ западных ворот. Они сделали это, чтобы отражать атаки фессалийцев, пытавшихся расширить свои завоевания на юг и восток.

Термальные источники, как и в других частях Греции, были посвящены Гераклу [131], чьи легендарные подвиги и страдания облагородили весь этот край – гору Эту, Трахин, мыс Кенай, острова Лихады, реку Дира. Некоторые фрагменты этих легенд были сохранены и украшены гением Софокла в его драме «Трахинянки».

Таким был общий вид – два узких прохода с промежуточной милей расширенной дороги и горячих источников между ними, – который в древности носил значимое название Фермопилы («Горячие Врата») или иногда просто Пилы («Врата»).

Также вблизи Трахина, между горами и морем, примерно в двух милях западнее Фермопил, дорога была едва ли менее узкой, но её можно было обойти, двигаясь на запад, поскольку соседние горы были ниже и представляли меньше трудностей для перехода. В то же время сами Фермопилы, с нависающим выступом горы Эта, были круты, лесисты и непроходимы, оставляя доступ из Фессалии в Локриду и земли к юго-востоку от Эты только через узкие врата [132], за исключением малоиспользуемого и окольного горного пути [стр. 74], о котором речь пойдет далее.

Стена, первоначально возведенная фокейцами поперек прохода, теперь была полуразрушена временем и заброшена. Однако греки легко восстановили её, решив ожидать в этом узком проходе (в те времена ещё более узком, чем Темпейское ущелье) приближения вторгающегося войска. Береговая линия, по-видимому, большей частью представляла собой болото, непригодное ни для ходьбы, ни для плавания. Однако в некоторых местах могли приставать лодки, что позволяло поддерживать постоянную связь с флотом у Артемисия, в то время как Альпена находилась у них в тылу, обеспечивая снабжение.

Хотя решение греческих делегатов, собравшихся на Истме, совместно защищать Фермопилы и [стр. 75] Эвбейский пролив было принято, по-видимому, вскоре после отступления из Темпе, их войска и флот фактически заняли эти позиции только тогда, когда стало известно, что Ксеркс достиг Термаического залива. Оба отряда тогда пришли в движение: сухопутные силы под командованием спартанского царя Леонида, флот – под началом спартанского командующего Еврибиада, примерно в конце июня.

Леонид был младшим братом, преемником и зятем прежнего царя из рода Эврисфенидов – Клеомена, на единственной дочери которого, Горго, он женился. Другой брат из того же рода – Дорией, старший Леонида, – погиб еще до смерти Клеомена в неудачной попытке основать колонию в Сицилии, что неожиданно открыло путь к власти младшему брату.

Теперь Леонид вел от Истма к Фермопилам отряд из трехсот спартанцев – все граждане зрелого возраста, оставившие дома сыновей, способных занять их место [133]. Вместе с ними шли пятьсот гоплитов из Тегеи, пятьсот из Мантиней, сто двадцать из аркадского Орхомена, тысяча из остальной Аркадии, четыреста из Коринфа, двести из Флиунта и восемьдесят из Микен. Также были, несомненно, илоты и другие легкие войска в неопределенном количестве, а также, вероятно, некоторое число лакедемонских гоплитов (не спартанцев).

При прохождении через Беотию к ним присоединились семьсот гоплитов из Феспий, искренне преданных общему делу, и четыреста фиванцев под командованием Леонтиада, чья верность вызвала больше сомнений. Действительно, правящие фиванские олигархи того времени явно симпатизировали персам, насколько это было возможно до фактического прихода персов. И Леонид, требуя от них выделить войска для защиты Фермопил, сомневался, не откажутся ли они открыто выступить против греческого дела. Однако фиванские вожди сочли благоразумным подчиниться, вопреки своим истинным желаниям, и предоставили отряд из четырехсот человек [134], набранных из граждан, настроенных против них самих.

Вообще же фиванский народ и беотийцы в целом (за исключением Феспий и Платей) не проявляли особых симпатий ни к одной из сторон, пассивно следуя указаниям своих лидеров.

С этими войсками Леонид достиг Фермопил, откуда отправил послов, чтобы призвать к соединению фокейцев и локров Опунтских. Последние были среди тех, кто послал землю и воду Ксерксу, о чем, как говорят, впоследствии сожалели: этот шаг, вероятно, был сделан лишь из страха, который в тот конкретный момент предписывал им подчиниться призыву Леонида, оправдывая это необходимостью на случай, если персы в конечном итоге окажутся победителями: [135] в то время как фокейцы, если изначально и склонялись к медизму, теперь были лишены этой возможности, поскольку их злейшие враги, фессалийцы, активно действовали в интересах Ксеркса и влияли на его передвижения. [136] Греческие послы усилили свой призыв всеми возможными заверениями. «Войска, ныне находящиеся у Фермопил, – говорили они, – это лишь авангард, предвещающий основные силы Греции, которые должны прибыть со дня на день: со стороны моря уже стоит достаточный флот: и нет причин для страха, ведь [стр. 77] захватчик, в конце концов, не бог, а человек, подверженный тем превратностям судьбы, которые неизбежно постигают всех людей, и более всего – тех, кто находится в исключительном положении». [137] Подобные аргументы слишком ясно свидетельствуют о подавленном состоянии ужаса, охватившего тогда греков: были ли они успокоены ими или нет, основная масса опунтских локров и тысяча фокейцев присоединились к Леониду у Фермопил.

Не может быть сомнений в том, что этот ужас был и искренним, и серьезным, и естественно возникает вопрос: почему греки не отправили сразу все свои силы вместо одного лишь авангарда? Ответ кроется в другой черте греческого характера – в это время праздновались как Олимпийские игры на берегах Алфея, так и Карнейский праздник в Спарте и большинстве других дорийских государств. [138] Даже в момент, когда на кону стояли их свобода и само существование, греки не могли заставить себя отложить эти почитаемые торжества: особенно пелопоннесцы, у которых эта сила религиозной традиции, по-видимому, была наиболее крепка. Более чем столетием позже, во времена Демосфена, когда энергия афинян значительно ослабла, мы увидим, что и они ставят военные нужды государства ниже полного и блистательного исполнения своих религиозных праздничных обязанностей – жертвуя всей своей внешней политикой, чтобы Теорические зрелища были впечатляющими для народа и угодными богам. В данный же момент мы находим у афинян мало склонности к такой жертве – несомненно, гораздо меньше, чем у пелопоннесцев. Последние, оставаясь дома для празднования [стр. 78] своих торжеств, в то время как у их ворот стоял захватчик сверхчеловеческой мощи, напоминают нам иудеев в последние дни их независимости, которые позволяли осаждающей их город римской армии вести свои работы беспрепятственно во время субботы. [139] Спартанцы и их союзники рассчитывали, что Леонид со своим отрядом будет достаточно силен, чтобы удерживать Фермопильский проход до окончания Олимпийских и Карнейских празднеств, после чего они были готовы двинуться к нему на помощь со всеми своими военными силами: [140] и они обязались собраться в Беотии, чтобы защитить Аттику от нападения с суши, в то время как основные силы афинян находились на кораблях.

В то время, когда этот план был составлен, они считали, что узкий Фермопильский проход – единственный возможный путь для вторжения. Но Леонид, прибыв на место, впервые обнаружил, что существует также горная тропа, начинающаяся в окрестностях Трахиса, поднимающаяся по ущелью реки Асоп и холму Анопея, затем пересекающая гребень Эты и спускающаяся в тылу Фермопил близ локрийского города Альпены. Эта тропа – тогда почти не использовавшаяся, хотя ее восходящая часть теперь служит обычной дорогой из Зейтуна (древней Ламии) в Салону на Коринфском заливе (древнюю Амфиссу) – была открыта ему ее первыми исследователями, жителями Трахиса, которые в прежние дни проводили по ней фессалийцев для нападения на Фокиду, после того как фокейцы перекрыли Фермопильский проход. Таким образом, она была известна фокейцам: она вела из Трахиса в их страну, и они добровольно предложили Леониду занять и защитить ее. [141] Но греки оказались у Фермопил перед той же необходимостью обеспечивать двойную линию обороны – и для горной тропы, и для ущелья, – что ранее заставила их прежнее войско покинуть Темпейскую долину: и когда [стр. 79] огромное войско Ксеркса, наконец, стало приближаться, их силы показались настолько недостаточными, что их охватила паника; особенно пелопоннесские воины, озабоченные лишь своей собственной линией обороны на Коринфском перешейке, хотели немедленно отступить туда. Возмущенные протесты фокейцев и локров, которые в таком случае остались бы на милость захватчика, заставили Леонида запретить это отступление: но он счел необходимым отправить послов в различные города, настаивая на недостаточности своих сил и требуя немедленного подкрепления. [142] Теперь болезненно ощущались последствия удержания основных сил до окончания религиозных праздников в Пелопоннесе.

Не было в тот момент и большей уверенности в их морском вооружении, хотя оно и собралось в значительно превосходящих числах у Артемисия на северном побережье Эвбеи под командованием спартанца Еврибиада. Оно состояло из следующего: сто афинских триер, частично укомплектованных гражданами Платеи, несмотря на их полное отсутствие практики в морском деле; сорок коринфских, двадцать мегарских, двадцать афинских, укомплектованных жителями Халкиды и предоставленных им Афинами; восемнадцать эгинских, двенадцать сикионских, десять лакедемонских, восемь эпидаврских, семь эретрийских, пять трезенских, две из Стиры на Эвбее и две с острова Кеос. Таким образом, всего было двести семьдесят одна триера, а также девять пентеконтер, предоставленных частично Кеосом, а частично локрийцами из Опунта. Фемистокл возглавлял афинский контингент, а Адеймант – коринфский; о других командирах мы ничего не слышим. [143]

Три разведывательных судна – афинское, эгинское и трезенское – были выдвинуты вдоль побережья Фессалии, за остров Скиафос, чтобы следить за приближением персидского флота из Фермы.

Именно здесь пролилась первая кровь в этом памятном противостоянии. Десять лучших кораблей персидского флота, посланные вперед в направлении Скиафоса, встретили эти три греческие триеры, которые, вероятно, приняв их за авангард всего флота, попытались спастись бегством. Афинская триера ушла к устью Пеней, где экипаж покинул ее и отправился по суше в Афины, оставив корабль врагу. Два других судна были настигнуты и захвачены на воде – не без ожесточенного сопротивления со стороны эгинского корабля, один из гоплитов которого, Пиф, сражался с отчаянной храбростью и пал, покрытый ранами. Персидские воины так восхитились им, что приложили все усилия, чтобы сохранить ему жизнь, и оказали ему знаки величайшего уважения и доброты, тогда как с его товарищами обращались как с рабами.

На борту трезенского судна, которое было захвачено первым, нашли воина по имени Леон, отличавшегося внушительным телосложением. Его немедленно привели к носовой части корабля и убили как предзнаменование в предстоящей битве. Историк замечает, что, возможно, его имя сыграло роковую роль в его судьбе. [144]

Десять персидских кораблей не продвинулись дальше опасной скалы Мирмекс между Скиафосом и материком, о которой им сообщил греческий мореход с острова Скирос, и на которой они воздвигли столб в качестве предупреждения для приближающегося флота. Тем не менее, настолько сильной была тревога, вызванная их появлением – переданная огненными сигналами [145] с Скиафоса и усиленная захватом трех разведывательных судов – что флот у Артемисия фактически покинул свою позицию, полагая, что приближается весь вражеский флот. [146] Они отплыли вверх по Эвбейскому проливу к Халкиде, как к самому узкому и наиболее защищенному проходу, оставив разведчиков на возвышенностях следить за продвижением врага.

Вероятно, это внезапное отступление было вызвано паникой среди войск, подобной той, которую царь Леонид, обладавший большей властью, чем Еврибиад и Фемистокл, сумел остановить при Фермопилах. Оно временно разрушило весь план обороны, открыв тыл армии при Фермопилах для действий персидского флота. Но то, чего греки не смогли сделать сами, было более чем компенсировано благотворным вмешательством их богов, которые противопоставили захватчику более страшное оружие – бурю и ураган. Ему было позволено привести свою подавляющую армию, как сухопутную, так и морскую, к границам Фермопил и к побережью Фессалии без помех и потерь. Но теперь настало время, когда боги, казалось, решили унизить его и особенно нанести серию ударов по его флоту, чтобы сократить его численность до уровня, с которым греки могли бы сражаться. [147]

Среди всеобщего ужаса, охватившего Грецию, дельфийцы первыми заслужили благодарность своих соотечественников, объявив, что божественная помощь близка. [148] Обратившись за советом к своему оракулу, они получили указание молиться Ветрам, которые окажут Греции мощную поддержку. Более того, афинские моряки, отступая в Халкиду, вспомнили, что Борей был супругом аттической царевны или героини Орейфии, дочери их древнего царя Эрехтея, и вознесли горячие молитвы своему зятю о помощи в трудный час.

Никогда помощь не была более действенной или своевременной, чем разрушительный шторм у побережья Магнесии, о котором вскоре пойдет речь. За него благодарные афиняне и дельфийцы даже во времена Геродота [149] продолжали приносить жертвы и проводить ежегодные торжества.

[стр. 82] Ксеркс остановился у Термейского залива на несколько дней, используя значительную часть своей многочисленной армии для вырубki лесов и расчистки дорог на перевале через Олимп из Верхней Македонии в Перребию – маршрут, который его македонские союзники рекомендовали как более предпочтительный, чем ущелье Темпы. [150] Не планируя идти через последнее, он, как говорят, отправился морем, чтобы осмотреть его, и ему приписывают замечания о легкости его блокировки, что позволило бы превратить всю Фессалию в одно огромное озеро. [151] Его марш от Ферм через Македонию, Перребию, Фессалию и Ахайю Фтиотиду до земель малийцев и окрестностей Фермопил занял одиннадцать или двенадцать дней: [152] народы, через чьи города он проходил, уже изъявили покорность, а фессалийцы особенно усердно поддерживали его усилия. Его огромное войско [стр. 83] еще больше увеличилось за счет этих недавно покорившихся народов и македонских войск под командованием Александра; так что река Онохон в Фессалии и даже Апидан в Ахайе Фтиотиде едва могли обеспечить его водой, но, согласно сведениям, полученным Геродотом, были буквально выпиты. В Алосе, в Ахайе, он снизошел до того, чтобы выслушать мрачную легенду, связанную с храмом Зевса Лафистия и священной рощей рода Афаманта: он уважал и защищал эти священные места – эпизод, который показывает, что святотатство и разрушение храмов, в которых его обвиняли греки, хотя и справедливо в отношении Афин, Аб, Милета и др., отнюдь не проявлялись повсеместно и даже смягчались отдельными примерами глубокого уважения к греческим религиозным чувствам. [153] Продвигаясь вдоль побережья Малийского залива, он в конце концов достиг Трахинии близ Фермопил, где разбил лагерь, по-видимому, ожидая

прибытия флота, чтобы скоординировать дальнейшее наступление, [154] теперь, когда враг находился прямо перед ним.

Однако его флоту не суждено было достичь точки соединения с такой же легкостью, как он сам прибыл к Фермопилам. Убедившись с помощью десяти упомянутых кораблей, захвативших три греческих сторожевых судна, что пролив между Скиафом и материком безопасен, персидский адмирал Мегабат отплыл со всем флотом из Ферм или из Пидны, [155] своей стоянки в Термейском заливе, через одиннадцать дней после начала сухопутного похода царя, и за один долгий день плавания достиг восточного побережья Магнесии, недалеко от её южной оконечности. Большая часть этой береговой линии, образованной склонами Оссы и Пелиона, совершенно скалиста и негостеприимна, но к югу от города Кастанеи находился небольшой открытый пляж, где флот остановился на ночь перед выходом к берегу, называемому Сепи-ада. [156] [стр. 84] Первая линия кораблей была пришвартована к берегу, но большая часть этого огромного флота стояла на якоре в восемь рядов. В таком положении на следующее утро их застал внезапный и страшный ураган – ветер, который местные жители называли Геллеспонтийским, дувший прямо на берег. Наиболее расторопные моряки успели спастись, вытащив свои суда на берег, но многие, не успев принять меры, были унесены ветром и разбились у Мелибеи, Кастанеи и других точек этого негостеприимного края. По самым скромным подсчётам, четыреста военных кораблей, а также бесчисленное множество транспортов и провиантских судов были уничтожены; потери в людях и имуществе оказались огромными.

Три полных дня длился ужас бури, в течение которых команды на берегу, оставшиеся почти без защиты и опасаясь нападения или грабежа со стороны местных жителей, были вынуждены разбирать выброшенные на берег корабли, чтобы соорудить из их обломков частокол. [157] Хотя маги, сопровождавшие войско, усердно молились и приносили жертвы – не только Ветрам, но и Фетиде с Нереидами, покровительницам Сепиады, – облегчение наступило лишь на четвёртый день: [158] так долго молитвы Дельф и Афин, а также ревность богов к непомерной человеческой гордыне продлевали страшную кару. Наконец, на четвёртый день наступила тишина, и все уцелевшие корабли вышли в море, обогнув южную оконечность Магнесии, и направились в Афеты, у входа в залив Пагасы. Мало что выиграл Ксеркс от тяжёлой работы по прорытию канала через Афон в надежде избежать невидимых атмосферных врагов, воюющих вокруг этого грозного мыса: [стр. 85] разрушительная сила его флота просто переместилась на противоположную сторону Фракийского моря.

Если бы персидский флот достиг Афет без происшествий, он обнаружил бы Эвбейский пролив покинутым греческим флотом и беззащитным, так что смог бы немедленно установить связь с сухопутной армией и ударить в тыл Леониду и его отряду. Но буря полностью изменила эту перспективу и подняла дух греческого флота в Халкиде. Разведчики с возвышенностей Эвбеи сообщили им об этом, даже передав, что весь персидский флот уничтожен. Тогда греки, вознеся благодарности и совершив возлияния Посейдону Спасителю, поспешно вернулись к Артемисию. Однако к их удивлению, они увидели, что персидский флот, хотя и сократившийся в числе, всё ещё представлял грозную силу и сохранял внушительный вид на противоположной стоянке у Афет. Последние пятнадцать кораблей этого флота, настолько повреждённые бурей, что отстали от остальных, приняли греческие суда за своих, попали в их середину и были все захвачены. Сандок, суб-сатрап Эолийской Кимы, Аридолис, тиран Алабанды в Карию, и Пенфил, тиран Пафоса на Кипре, командовавшие этим отрядом, были отправлены пленниками на Коринфский перешеек после допроса о противнике. Последний из этой тройки привёл к Ксерксу двенадцать кораблей, из которых одиннадцать затонули во время бури, а последний был теперь захвачен вместе с ним. [159]

Тем временем Ксеркс, расположившийся лагерем в виду Фермопил, позволил пройти четырём дням без какого-либо нападения. Вероятной причиной могла быть крайняя опасность, угрожавшая его флоту, о котором сообщалось, что он полностью уничтожен бурей.

Но Геродот называет иную причину. По его словам, Ксеркс не мог поверить, что греки у Фермопил, несмотря на свою малочисленность, всерьёз намерены сопротивляться. Во время своего марша он слышал, что горстка спартанцев и других греков под предводительством Гераклида заняла позицию там, но он отнёсся к этим слухам с презрением. Когда же конный разведчик, посланный им для осмотра позиций, приблизился достаточно близко, чтобы осмотреть их расположение, не привлекая внимания своим присутствием, и вернулся с описанием прохода, защитной стены и видимой численности отряда, Ксеркс был ещё более изумлён и озадачен. Случилось так, что в момент, когда этот всадник подъехал, спартанцы находились в авангарде за пределами стены: одни занимались гимнастическими упражнениями, другие расчёсывали свои длинные волосы, и никто из них не обратил внимания на приближение вражеского лазутчика. Ксеркс затем послал за спартанским царём Демаратом, чтобы спросить, как ему понимать такое безумие. Тот напомнил ему об их прежнем разговоре в Дориске, вновь заверив, что спартанцы в ущелье будут сражаться до смерти, несмотря на свою малочисленность, и добавил, что их обычай в моменты особой опасности – особенно тщательно ухаживать за своими волосами. Несмотря на заверения Демарата и на то, что проход не только занят, но и сам по себе узок и труднопроходим, Ксеркс продолжал верить, что греки не намерены сопротивляться и разбегутся сами. Он откладывал атаку четыре дня. На пятый день он разгневался на дерзость и безрассудство маленького отряда перед ним и послал против них мидийские и киссийские части с приказом захватить их и привести к нему пленниками. [160]

Хотя мы читаем об этом у Геродота, вряд ли можно поверить, что перед нами историческая реальность: скорее, мы видим картину человеческого самомнения в его крайней форме, готового для удара ревнивых богов и предназначенного, подобно беседе Крёза с Солоном, подчеркнуть и усилить мораль, всегда присутствовавшую в сознании историка; чьё религиозное и поэтическое воображение, даже бессознательно для него самого, окружает голые факты истории речами и мотивами, которые не показались бы неуместными ни Гомеру, ни Эсхилу.

Все действия Ксеркса [р. 87] и необъятность собранного им войска показывают, что он рассчитывал на энергичное сопротивление; и хотя численность Леонида по сравнению с персами была ничтожной, в занимаемой ими позиции она вряд ли могла казаться таковой – вход шириной немногим больше дороги для одной повозки, с поперечной стеной, расширяющимся пространством и таким же узким выходом позади. Диодор сообщает [161], что локры, когда впервые отправили землю и воду персидскому царю, одновременно обязались захватить Фермопильский проход для него и были остановлены лишь неожиданным прибытием Леонида; также вполне вероятно, что фессалийцы, теперь главные проводники Ксеркса [162], вместе с Александром Македонским, попытались бы напугать гарнизон Фермопил теми же методами, что уже успешно привели к эвакуации Темпе.

Интервал в два-три дня мог быть выделен, чтобы дать таким интригам шанс на успех: тем временем флот, пережив бурю, прибыл бы в Афеты; таким образом, мы можем истолковать действия Ксеркса несколько менее наивно, чем они изображены у Геродота.

Мидийцы, которых Ксеркс первыми отправил в атаку, воодушевлённые как памятью о своём древнем азиатском владычестве, так и желанием отомстить за поражение при Маратоне [163], проявили личную храбрость. Позиция была такова, что луки и стрелы оказывались почти бесполезны – требовался рукопашный бой, в котором греки имели все преимущества организации и вооружения. Короткие копья, лёгкие плетёные щиты и туники атакующих плохо противостояли длинным копьям, массивным щитам, плотному строю [164] и выучке защитников. Однако храбрейшие воины персидской армии напирали сзади и, имея в своём распоряжении лишь численное превосходство, долго вели этот неравный бой, неся огромные потери при незначительном уроне греков.

Несмотря на постоянные отражения, атаки возобновлялись [р. 88] два дня подряд: греческие войска могли сменять друг друга при усталости, поскольку пространство было столь

узким, что сражаться одновременно могли немногие; даже «бессмертные», десять тысяч отборных персидских гвардейцев, и другие элитные части армии, брошенные в атаку на второй день, были отброшены с тем же позором и потерями, что и остальные. Ксеркс наблюдал за этим унижительным поражением с высокого трона, специально для него сооружённого: «трижды (говорит историк с гомеровской живостью) вскакивал он с трона в муке за своё войско» [165].

После двух дней сражения никакого перелома не произошло, проход казался неприступным, а оборона – столь же триумфальной, сколь и мужественной, – как вдруг малиец по имени Эфиальт открыл Ксерксу существование малоизвестной горной тропы. По крайней мере, именно его единодушно считали в Греции предателем, выдавшим роковую тайну: после окончательного отражения персов он бежал из страны, и амфикиония объявила награду за его голову; когда же он слишком рано вернулся на родину, его убил личный враг, которого лакедемоняне почтили как патриота. [166] Впрочем, были и другие греки, которых также называли сообщниками Ксеркса, передавшими ему столь ценную информацию; весьма вероятно, что доносчиков было несколько – ведь фессалийцы, бывшие тогда его проводниками, вряд ли могли не знать об этой тропе. Однако о ней так мало думали, что никто в персидском войске не подозревал, что её уже заняли фокейцы. С наступлением темноты Гидарн с отрядом персов двинулся вдоль ущелья реки Асоп, поднялся по тропе Анопеи, через лесистую местность между горами, занятыми этэйцами, и землями трахинцев, и на рассвете оказался близ вершины, где увидел тысячный фокейский дозор. В утренней тишине шум [стр. 89] его войска, шагавшего через лес, [167] разбудил защитников; но неожиданность была взаимной, и Гидарн в тревоге спросил проводника, не лакедемоняне ли эти воины. Узнав, что нет, он начал атаку и забросал фокейцев градом стрел, вынудив их оставить тропу и спастись на более высокой точке горы. Озабоченные лишь собственной безопасностью, они забыли о бесценном проходе, который должны были охранять. Будь всё греческое войско у Фермопил, а не оставлено позади ради празднеств, они могли бы разместить на горной тропе такой отряд, который сделал бы её столь же неприступной, как и проход внизу.

Гидарн, не утруждая себя преследованием фокейцев, двинулся по нисходящей части тропы, более короткой, чем восходящая, и к полудню [168] оказался в тылу у Фермопил. Но ещё до завершения его спуска роковая весть уже достигла Леонида: враг заходит ему в тыл. Разведчики с холмов и перебежчики из персидского лагеря, особенно кимеец [169] по имени Тирастиад, принесли эту новость. Даже если бы таких осведомителей не нашлось, прорицатель Мегистий, потомок легендарного провидца Мелампа, прочитал бы приближение смерти в мрачных знамениях утренних жертвоприношений. Стало очевидно, что Фермопилы больше не удержать; но у защитников было достаточно времени для отступления, и отряд Леонида разделился во мнениях. Большинство склонялось к тому, чтобы оставить ставшую ненадёжной позицию и сохранить себя для будущих битв, где они могли бы эффективно противостоять захватчику. И нет сомнений, что это было естественным побуждением как [стр. 90] храбрых воинов, так и благоразумных командиров в данных обстоятельствах. Но для Леонида мысль об отступлении была невыносима. Его личная честь, а также честь его спартанских товарищей и самой Спарты [170] запрещали ему даже думать о сдаче врагу прохода, который он был послан защищать. Законы его страны требовали победить или умереть на назначенном посту, сколь бы ни превосходил враг числом. [171] Более того, как говорят, Дельфийский оракул предрёк, что либо сама Спарта, либо царь Спарты падёт жертвой персидского оружия. Отступи он – и едва ли избежал бы всеобщего порицания, которое в Греции особенно громко обрушилось на неудачливого полководца. Тогда как добровольная жертва и смерть не только заставили бы замолчать любую клевету, но и вознесли бы его на вершину славы как человека и царя, подав пример рыцарского патриотизма в тот момент, когда греческий мир больше всего нуждался в таком уроке.

Триста спартанцев под началом Леонида оказались полностью достойны этого акта великодушного и самоотверженного самопожертвования. Возможно, он хотел бы вдохновить тем же чувством весь отряд, но, обнаружив их нерешительность, немедленно приказал им отступить, избегая тем самым неприглядного нежелания сражаться и раздоров. [172] Тот же приказ был отдан и прорицателю Мегистию, который, однако, отказался подчиниться и остался, хотя и отослал своего единственного сына. [173] Ни один из контингентов не остался с [стр. 91] Леонидом, кроме феспийцев и фиванцев. Первые, под командованием своего стратега Демофила, добровольно решили разделить участь спартанцев и проявили даже больше героизма, чем сами спартанцы, поскольку на них не давила та моральная необходимость соответствовать уже установленной славе и превосходству. Но для них отступление не сулило ничего лучше, чем простое сохранение жизни – либо в рабстве, либо в изгнании и нищете, ведь Феспии находились в Беотии, которая неизбежно была бы захвачена персами. [174] В то время как у пелопоннесских контингентов за спиной оставался Коринфский перешеек, который они, несомненно, ещё надеялись удержать.

Что касается фиванского отряда, то здесь мы сталкиваемся с затруднением. Геродот сообщает, что Леонид удерживал их против их воли в качестве заложников, что они участвовали в последующей битве как можно меньше и сдались в плен Ксерксу при первой возможности. Диодор же утверждает, что только феспийцы остались со спартанцами, а Павсаний, хотя и упоминает восемьдесят микенцев, оставшихся вместе с феспийцами (что, вероятно, неверно), ничего не говорит о фиванцах. [175] Взвесив все обстоятельства, можно предположить, что фиванцы остались, но остались по собственной инициативе – либо как граждане антиперсидской партии (как их описывает Диодор), либо потому, что для них отступление с пелопоннессцами могло быть не менее опасным, чем остаться, учитывая подозрения в медизме. Однако, когда наступил решающий момент, их мужество не выдержало испытания так же стойко, как у спартанцев и феспийцев, и они попытались спасти свои жизни, ссылаясь на медизм и утверждая, что были насильно удержаны Леонидом.

Таким образом, отряд, оставшийся с Леонидом при Фермопилах, состоял из трёхсот спартанцев с сопровождавшими их илотами, семисот феспийцев и, по-видимому, четырёхсот фиванцев. Если до этого там присутствовали какие-либо лакедемоняне, не являвшиеся спартанцами, они должны были отступить вместе с остальными пелопоннессцами. По предварительной договорённости с проводником Эфиальтом Ксеркс отложил атаку на них до полудня, когда войска Гидарна могли вскоре появиться у них в тылу. Однако в этот последний день Леонид, понимая, что всё, что осталось, – это дорого продать жизни своих воинов, не ограничился обороной, [176] а выдвинулся на более открытое пространство перед ущельем, перейдя в наступление и обратив в бегство передовые отряды персов, многие из которых погибли как от копий греков, так и в близлежащем море и болотах, а также были растоптаны своими же. [стр. 93] Персидским военачальникам пришлось приложить все усилия, подкреплённые угрозами и щедрым применением кнута, чтобы заставить своих солдат продолжать бой. Греки сражались с безрассудной храбростью и отчаянием против превосходящих сил, пока наконец их копья не сломались, и у них не осталось иного оружия, кроме мечей. Именно в этот момент пал сам Леонид, и вокруг его тела битва разгорелась с новой силой: персы прилагали все усилия, чтобы завладеть им, но греки четырежды отражали их атаки, при этом погибли многие персидские военачальники, включая двух братьев Ксеркса.

Измученные, обессиленные, поредевшие и лишённые самого эффективного оружия, немногочисленные защитники отступили с телом своего предводителя в узкий проход за поперечной стеной, где все вместе заняли позицию на холмике, оказавшись под атакой основной персидской армии с одной стороны и отряда Гидарна, завершившего к тому времени свой обход, – с другой. Они были окружены, засыпаны градом стрел и перебиты до последнего чело-

века, не теряя мужества даже в конце и защищаясь оставшимися кинжалами, голыми руками и даже зубами. [177]

Так погиб Леонид со своими героическими соратниками – тремястами спартамцами и семьями феспийцами. Среди такого всеобщего героизма было трудно выделить кого-то одного, однако Геродот упоминает спартамцев Диенека, Алфея и Марона, а также феспийца Дифирамба, как наиболее отличившихся. Ответ, приписываемый первому, стал знаменитым. [178]

«Персидское войско (ему сообщили) столь велико, что их стрелы затмевают солнце».

«Тем лучше (ответил он), мы будем сражаться в тени».

Геродот расспрашивал и записал имена каждого из этих трёхсот, и даже спустя шестьсот лет Павсаний ещё мог прочесть их имена, выгравированные на колонне в Спарте. [179] Лишь один из них – Аристомем [стр. 94] – вернулся домой, не приняв участия в битве. Он, вместе с Эвритом, другим воином, отсутствовал в отряде по болезни, и оба лежали в Альпенах, страдая от тяжёлой глазной болезни. Эврит, узнав, что настал роковой час для отряда, решил не пережить его, потребовал своё оружие и приказал своему слуге-илоту отвести его в строй, где он пал, сражаясь храбро, в то время как илот ушёл и выжил. Аристомем не последовал примеру своего больного товарища: сломленный физическими страданиями, он был доставлен в Спарту – но вернулся лишь к презрению и бесчестию среди сограждан. [180] Его называли «трусом Аристомемом»; никто не хотел говорить с ним, общаться или даже дать огня для его очага. [181] [стр. 95]

После года такой горькой опалы он наконец смог восстановить свою честь в битве при Платеях, где пал, превзойдя всех товарищей в героической, даже безрассудной храбрости.

Среди последних мгновений этого отважного отряда мы с отвращением обращаемся к дезертирству и сдаче фиванцев. Говорили, что они участвовали в последней схватке, но лишь для виду и под давлением необходимости. Однако когда спартамцы и феспийцы, изнурённые и обезоруженные, отступили, чтобы умереть на холме внутри ущелья, фиванцы отделились от них, подошли к врагу с протянутыми руками и молили о пощаде. Они громко заявляли, что были друзьями и подданными Великого Царя и оказались при Фермопилах против своей воли, что подтвердили фессалийцы в персидском войске. Хотя несколько человек были убиты, прежде чем персы поняли их намерения, остальных пощадили – но не без позорного клейма, выжженного как знак ненадёжных рабов, унижение, которому их командир Леонтиад был вынужден подвергнуться наравне с остальными.

Таков рассказ, который приводит Геродот, не выражая ни малейшего сомнения. Плутарх решительно опровергает его и даже ссылается на беотийского автора, [182] утверждающего, что командовал фиванцами при Фермопилах не Леонтиад, а Анаксарх. Не отрицая сомнительного поведения и сдачи фиванского отряда, мы можем счесть историю с позорным клеймом вымыслом, порождённым сильными антифиванскими настроениями в Греции после отражения Ксеркса.

Гнев монарха, когда он осматривал поле боя после окончания сражения, обрушился на тело доблестного Леонида, чью голову он приказал отрубить и водрузить на крест. Но его ум был полон не только гневом: он [стр. 96] также испытывал невольное восхищение перед этим небольшим отрядом, оказавшим ему столь неожиданное и почти непреодолимое сопротивление. Теперь он начал тревожиться о том сопротивлении, которое его ещё ждало.

– Демарат, – сказал он находившемуся рядом изгнанному спартамскому царю, – ты человек достойный: все твои предсказания сбылись. Теперь скажи мне, сколько ещё осталось лакедемонян, и все ли они такие же воины, как эти павшие?

– О царь, – ответил Демарат, – общее число лакедемонян и их городов велико. В одной Спарте восемь тысяч взрослых воинов, и все они равны тем, кто сражался здесь. Остальные лакедемоняне, хотя и уступают им, всё же превосходные солдаты.

– Скажи мне, – продолжил Ксеркс, – какой способ победить таких людей будет наименее трудным?

Тогда Демарат посоветовал ему отправить часть флота, чтобы захватить остров Киферу, и оттуда вести войну на южном побережье Лаконии. Это отвлекло бы внимание Спарты и помешало бы ей участвовать в совместной обороне против его сухопутных сил. Если же этого не сделать, все силы Пелопоннеса соберутся для защиты узкого Коринфского перешейка, где персидскому царю предстояло бы сражаться в куда более страшных битвах, чем те, что он видел до сих пор. [183]

К счастью для безопасности Греции, Ахемен, брат Ксеркса, вмешался, чтобы отговорить царя от этого разумного плана, не преминув очернить характер и мотивы Демарата. Он утверждал, что тот, как и прочие греки, ненавидел всякую власть и завидовал всякому успеху, превосходящему его собственный. Кроме того, добавил он, после ущерба, нанесённого недавним штормом, флот не мог позволить себе дальнейшего сокращения численности. Было необходимо сохранить все персидские силы, как на суше, так и на море, единой и согласованно действующей массой. [184]

Нескольких таких замечаний хватило, чтобы вновь пробудить в монархе привычную уверенность в подавляющей численности. Однако, отвергнув совет Демарата, он решительно отверг и обвинения в недобросовестности и отсутствии искренней преданности у этого изгнанного царя. [185]

[стр. 97] Тем временем дни сражений при Фермопилах были не менее активно использованы флотами у Афет и Артемисия. Уже упоминалось, что греческие корабли, покинув свою позицию у последнего места и отступив к Халкиде, вернулись, узнав, что персидский флот был почти уничтожен недавним штормом. Однако, вернувшись к Артемисию, греческие командиры вновь встревожились, увидев, что флот противника, несмотря на только что понесённый урон, всё ещё превосходит их числом на противоположной позиции у Афет. Это зрелище и осознание своего превосходства произвели такое впечатление, что они вновь решили отступить без боя, оставив пролив открытым и незащищённым.

Известие об их решении вызвало сильное смутнение среди жителей Эвбеи, которые умоляли Еврибиада продержаться ещё несколько дней, пока они не успеют эвакуировать свои семьи и имущество. Но даже такая отсрочка была сочтена опасной и отклонена. Он уже собирался отдать приказ об отступлении, когда эвбейцы отправили своего посланника Пелагона к Фемистоклу, предложив тридцать талантов при условии, что флот останется на позиции и вступит в бой для защиты острова.

Фемистокл ловко и успешно использовал эти деньги, отдав пять талантов Еврибиаду, а также щедро одарив других ведущих командиров. Наиболее несговорчивым среди них оказался коринфянин Адеймант, который сначала пригрозил уйти со своей эскадрой в одиночку, если остальные греки будут настолько безумны, чтобы остаться. Его тревогу удалось заглушить, если не успокоить, подарком в три таланта. [186]

Однако, как бы Плутарх ни был возмущён столь бесславными откровениями, сохранёнными для нас Геродотом относительно скрытых механизмов этой памятной борьбы, нет оснований сомневаться в описанном здесь подкупе. Но Фемистокл, несомненно, лишь поддался искушению и получил возможность совершить – благодаря [с. 98] эвбейским деньгам – то, что он и без них желал бы и, вероятно, пытался бы осуществить: завязать морское сражение у Артемисия. Для удержания Фермопил и успеха общего плана обороны было абсолютно необходимо защитить Эвбейский пролив от персидского флота, и греки не могли найти более выгодной позиции для боя. Можно с достаточным основанием предположить, что Фемистокл, столь же отважный, сколь и проницательный, и к тому же главный инициатор развития морских сил своей страны, неохотно согласился с предложенным планом оставить Артемисий. Однако его выдающийся ум не исключал корыстолюбия, которое сделало подношения эвбейцев допусти-

мыми и желанными – а для него, возможно, ещё более желанными, поскольку они давали средства для привлечения на свою сторону других противящихся вождей и спартанского адмирала. [187]

В итоге было решено остаться и, если понадобится, дать бой в Эвбейском проливе, но в любом случае выиграть для жителей острова немного времени, чтобы эвакуировать их семьи. «Если бы эти эвбейцы, – говорит Геродот, [188] – прислушались к оракулам, они бы давно собрали свои пожитки и ушли», ибо текст Бакиса прямо предупреждал их; но, пренебрегши священными писаниями как недостойными доверия, они теперь жестоко поплатились за свою самонадеянность.

С другой стороны, среди персидского флота у Афет царили настроения уверенности и надежды на своё численное превосходство, резко контрастировавшие с унынием греков у Артемисия. Если бы персы атаковали сразу, когда оба флота впервые увидели друг друга с противоположных стоянок, они одержали бы лёгкую победу, [с. 99] ибо греческий флот обратился бы в бегство – как адмирал уже собирался приказать, даже без атаки. Но персам этого было мало: они хотели отрезать врагу все пути к отступлению. [189] Поэтому они отправили двести кораблей в обход острова Эвбея, чтобы войти в Эвбейский пролив с юга, в тыл грекам, – и отложили свою атаку с фронта до тех пор, пока этот отряд не займёт позицию, перекрывающую грекам отход. Хотя манёвр скрывали, отправив эскадру в обход острова Скиафос, греки немедленно узнали о нём от перебежчика – Скиллиаса из Скионы. Этот человек, лучший пловец и ныряльщик своего времени, служивший, как и другие фракийские греки, у персов, перешёл на сторону греков у Артемисия и сообщил их командующим как подробности недавнего разрушительного шторма, так и сведения об отправке перехватывающей эскадры. [190]

Похоже, его сообщения о последствиях шторма и состоянии персидского флота несколько ободрили греков. Они решили следующей ночью выйти со своей стоянки у Артемисия, чтобы атаковать отряд из двухсот кораблей, и даже, воодушевлённые Фемистоклом, осмелели настолько, что вышли на бой с основным флотом персов у Афет. [191] Стремясь получить практический опыт (которого ни командиры, ни солдаты пока не имели) в том, как финикийцы и другие в персидском флоте управляют своими кораблями и маневрируют, они дождались позднего часа, когда оставалось мало света. [192] Их дерзость, с которой они выступили вперёд, имея меньшие силы и даже худшие корабли, изумила персидских адмиралов и встревожила ионийцев и других подвластных греков, [с. 100] служивших им невольными союзниками: и тем, и другим казалось, что победа персидского флота, который быстро вышел на бой и был достаточно многочислен, чтобы окружить греков, будет несомненной и полной.

Греческие корабли сначала выстроились в круг, кормами внутрь, носами наружу по всей окружности; [193] в этом положении, сжатые в узком пространстве, они, казалось, ожидали атаки врага, который окружил их более широким кольцом. Но по второму сигналу их корабли перешли в наступление: вырвались из внутреннего круга, устремившись прямо на вражеские суда вокруг, и захватили или вывели из строя не менее тридцати из них – в том числе корабль, на котором был взят в плен Филаон, брат Горга, тирана Саламина на Кипре. Эта неожиданная дерзость сначала привела персов в замешательство, но они оправались и нанесли грекам значительный урон. Однако приближающаяся ночь положила конец битве, и каждый флот вернулся на прежнюю стоянку: персы – к Афетам, греки – к Артемисию. [194]

Результат этого первого дня боя, хотя сам по себе и нерешительный, удивил обе стороны и значительно укрепил уверенность греков. Но события последующей ночи сделали еще больше. Боги послали им еще одну ужасную бурю. Хотя стояла середина лета – время, когда в климате Греции редко выпадают дожди, – всю ночь бушевали сильнейший ветер, ливень и гром, обрушиваясь прямо на берег, где находились персы у Афет, и почти не тревожа греков на противоположной стороне пролива. Моряки персидского флота, едва оправившиеся от предыдущего шторма у мыса Сепиас, были почти в отчаянии от повторения той же опасно-

сти, тем более когда обнаружили, что носы их кораблей окружены, а движение весел затруднено трупам и обломками недавнего сражения, которые течение прибивало к их берегу. Если этот шторм нанес ущерб [р. 101] основному флоту у Афет, то для эскадры, отправленной в обход Эвбеи, он оказался полной гибелью: застигнутые бурей у опасного восточного побережья острова, называемого Полости Эвбеи, корабли были выброшены на скалы и разбиты.

Весть об этом втором вмешательстве стихий, или богов, против планов захватчиков сильно воодушевила греков, а своевременное прибытие на следующий день пятидесяти трех новых афинских кораблей, усиливших их, подняло их уверенность еще выше. В тот же день после полудня они вышли в море против персидского флота у Афет и атаковали и уничтожили несколько киликийских кораблей прямо на якорной стоянке, поскольку флот был слишком поврежден штормом предыдущей ночи, чтобы выйти и сражаться. [195]

Но персидские командующие не были настроены терпеть такие оскорбления – и тем более допустить, чтобы об этом узнал их владыка. Около полудня следующего дня они вышли со всем флотом к греческой стоянке у Артемисия и построились в форме полумесяца, в то время как греки держались ближе к берегу, так что их нельзя было окружить, а персы не могли ввести в бой весь свой флот: корабли сталкивались друг с другом, не находя места для атаки. Бой бушевал весь день с большими потерями и повреждениями с обеих сторон: среди персов пальму доблести стяжали египтяне, среди греков – афиняне. Хотя абсолютные потери персов были гораздо больше, и хотя греки, находясь у своего берега, завладели телами погибших, а также поврежденными кораблями и плавающими обломками, – тем не менее, их собственные потери в пропорции к их меньшей общей численности были тяжелее. Особенно афинские корабли, бывшие в первых рядах в предыдущем бою, обнаружили, что половина их числа не в состоянии продолжать сражение. [196] Одни только египтяне захватили пять греческих кораблей со всеми их экипажами.

При таких обстоятельствах греческие вожди, – и среди них, как кажется, Фемистокл, – решили, что больше нельзя удерживать позицию у Артемисия, а необходимо [стр. 102] отвести флот дальше вглубь Греции [197], хотя это фактически означало сдачу Фермопильского прохода и хотя эвбейцы ещё не завершили эвакуацию. Этим несчастным пришлось довольствоваться обещанием Фемистокла обеспечить им охрану для лодок и самих людей, оставив овец и скот на прокорм флоту – что всё же было лучше, чем оставить их врагу в качестве добычи.

Пока греки организовывали отступление, к ним поступили известия, сделавшие отход вдвойне необходимым. Афинянин Аброних, чей корабль стоял у Фермопил для поддержания связи между армией и флотом, принёс роковую весть: Ксеркс уже овладел проходом, а отряд Леонида был либо уничтожен, либо обращён в бегство. Узнав об этом, флот немедленно покинул Артемисий и двинулся вверх по Эвбейскому проливу: коринфские корабли шли в авангарде, афинские замыкали арьергард.

Фемистокл, командовавший последними, задержался на стоянках и местах высадки, чтобы высечь на камнях обращения к ионийским контингентам, служившим под началом Ксеркса. В них он призывал ионийцев не сражаться против своих предков, а по возможности дезертировать или, по крайней мере, сражаться вяло и неохотно. Этой хитростью Фемистокл надеялся либо отколоть часть ионийцев от персов, либо посеять к ним недоверие и тем снизить их боеспособность [198]. Потратив время лишь на эти надписи, он последовал за остальным флотом, который, обогнув Аттику, остановился только у острова Саламин.

Весть об отступлении греческого флота быстро дошла до персов в Афетах через жителя Гистиеи, но те сначала не поверили и задержали гонца, пока не отправили разведчиков проверить факты. На следующий день их флот пересёк пролив к северу от Эвбеи и захватил Гистиею с окрестностями. Оттуда многие, с разрешения и даже по приглашению Ксеркса, переправились к Фер [стр. 103] мопилам, чтобы осмотреть поле боя и тела погибших.

Что касается числа павших, Ксеркс, как утверждается, намеренно ввёл зрителей в заблуждение: он приказал похоронить всех своих воинов, кроме тысячи, чьи тела оставили на виду, тогда как все четыре тысячи греков, погибших при Фермопилах, были свалены в одну кучу, чтобы создать впечатление, будто их потери куда значительнее. Кроме того, в эту кучу попали тела погибших илотов, которых зрители принимали за спартанцев или феспийцев. Впрочем, неудивительно, что этот обман, столь грубый и очевидный, мало кого действительно ввёл в заблуждение [199].

По утверждению Геродота, персы потеряли двадцать тысяч человек – оценка не завышенная, если учесть, что у них было мало защитного снаряжения и они сражались три дня. Тот же историк сообщает, что греков погибло четыре тысячи: если это верно, то в число явно включено много илотов, поскольку в последний день из гоплитов присутствовали только триста спартанцев, семьсот феспийцев и четыреста фиванцев. Конечно, некоторое количество гоплитов пало и в первые два дня битвы, хотя, судя по всему, немного.

Изначально для защиты прохода собралось около семи тысяч воинов [200], но в эпитафии, вскоре составленной по приказу Амфиктионии и высеченной на месте, потомкам было передано официальное хвастовство, что «четыре тысячи воинов из Пелопоннеса сражались здесь против трёхсот мириад (трёх миллионов) врагов» [201].

Относительно этого заявленного общего числа персов уже были сделаны замечания: упоминание четырёх тысяч пелопоннесцев должно указывать на всех, кто изначально вышел с полуострова под началом Леонида. Однако Амфиктиония, увековечивая этот подвиг, не должна была выделять пелопоннесцев, забыв их внепелопоннесских товарищей, чьи заслуги были не меньше – особенно феспийцев, проявивших ту же героическую самоотверженность, что Леонид и его спартанцы, но без многовековой железной дисциплины.

Пока эта надпись служила общим памятником подвигу, рядом находилась другая, простая и выразительная, посвящённая исключительно спартанским павшим:

«Странник, поведай спартанцам, что мы легли здесь, верные их законам».

На холме внутри прохода, где приняли смерть эти воины, был воздвигнут памятник с мраморным львом в честь Леонида, украшенный, по-видимому, эпитафией поэта Симонида. Этот выдающийся поэт сочинил по меньшей мере одну оду (от которой сохранился лишь великолепный фрагмент), прославляющую Фермопилы, а также несколько эпитафий, включая ту, что посвящена прорицателю Мегистию:

«Кто, зная грядущую гибель, не покинул спартанских вождей».

Глава XLI. САЛАМИНСКАЯ БИТВА. – ОТСТУПЛЕНИЕ КСЕРКСА.

Чувство, столь же устойчивое, сколь и единодушное, с которым последующие поколения греков вспоминали битву при Фермопилах и которое они передали всем будущим читателям, было справедливым восхищением мужеством и патриотизмом Леонида и его отряда. Но среди современных греков это чувство, хотя, несомненно, искреннее, отнюдь не было преобладающим: его затмевали более острые эмоции разочарования и ужаса. Настолько уверены были спартанцы [с. 105] и пелопоннесцы в возможности удержать Фермопилы и Артемисий, что, когда до них дошла весть о катастрофе, ни один солдат ещё не был приведён в движение: время праздничных игр прошло, но никаких активных действий предпринято не было. [202] Тем временем вторгшиеся силы – армия и флот – продвигались к Аттике и Пелопоннесу без малейших приготовлений и, что ещё хуже, без какого-либо объединённого и согласованного плана защиты сердца Греции. Потери, понесённые Ксерксом при Фермопилах, незначительные по сравнению с его огромной армией, с лихвой компенсировались новыми греческими союзниками, которых он приобрёл. Не только малийцы, локры и дорийцы, но и большинство беотийцев, включая их главный город Фивы (за исключением Феспий и Платей), теперь присоединились к нему. [203] Демарат, его спартанский спутник, отправился в Фивы, чтобы возобновить старые узы гостеприимства с фиванским олигархическим лидером Аттагином, в то время как Александр Македонский направил небольшие гарнизоны в большинство беотийских городов [204] – как для защиты от грабежа, так и для обеспечения их верности. Феспийцы же покинули свой город и бежали на Пелопоннес, а платейцы, служившие на афинских кораблях при Артемисии, [205] были высажены в Халкиде при отступлении флота, чтобы по суше добраться до своего города и эвакуировать свои семьи.

Усилилась не только сухопутная армия Ксеркса; его флот также получил подкрепления из Кариста на Эвбее и с некоторых Кикладских островов, так что потери, понесённые во время бури у Сепиада и в сражениях при Артемисии, если и не были полностью восполнены, то хотя бы частично восстановлены, в то время как флот по-прежнему оставался колоссально превосходящим по численности греческий. [206]

[с. 106] В начале Пелопоннесской войны, почти через пятьдесят лет после этих событий, коринфские послы напомнили Спарте, что она позволила Ксерксу добраться от края земли до порога Пелопоннеса, прежде чем приняла какие-либо адекватные меры против него: упрёк, почти буквально верный. [207] Лишь когда спартанцы и другие пелопоннесцы, потрясённые и уstraшённые известием о гибели Леонида, начали действовать в полную силу. Но тогда было уже слишком поздно выполнить обещание, данное Афинам, – занять позицию в Беотии для защиты Аттики. Теперь они думали только о защите Коринфского перешейка, и, казалось, это было единственное, что им оставалось. Туда они устремились со всем доступным населением под предводительством Клеомброта, царя Спарты (брата Леонида), и начали возводить укрепления, а также разрушать Скиронскую дорогу от Мегары до Коринфа, проявляя крайнюю энергию. Лакедемоняне, аркадцы, элейцы, коринфяне, сикионцы, эпидаврийцы, флиасийцы, трезенцы и гермионцы – все собрались здесь в полном составе; многие десятки тысяч людей (отрядами по десять тысяч) работали день и ночь, доставляя материалы. [208]

Как защита от сухопутного нападения, эта позиция была превосходной: они считали её своим последним шансом, [209] отказавшись от всякой надежды на успешное сопротивление на море. Но они забыли, что укреплённый перешеек не защищал даже их самих от флота Ксеркса, [210] в то время как открыто оставлял без защиты не только Аттику, но также Мегару и Эгину. Так из-за потери Фермопил возникла новая угроза для Греции: не нашлось другой

позиции, которая, подобно этому памяtnому ущелью, объединяла и защищала все отдельные города. Эта разобщённость поставила их на грань гибели.

Если опасения пелопоннесцев были велики, то положение афинян казалось ещё более отчаянным. Ожидая, согласно договорённости, найти пелопоннесское войско в [с. 107] Беотии, готовое поддержать Леонида или хотя бы содействовать в обороне Аттики, они не приняли мер к эвакуации своих семей и имущества. Однако, отступая от Артемисия, они с горечью и ужасом увидели, что победитель уже движется от Фермопил, что путь в Аттику для него открыт, а пелопоннесцы целиком поглощены защитой лишь своего перешейка и собственного существования. [211]

Флоту, отступившему от Артемисия, было приказано собраться в гавани Трезена, чтобы дожидаться подкреплений. Однако афиняне умоляли Еврибиада остановиться у Саламина, чтобы дать им время для совещаний в столь критический момент и помочь в перевозке их семей. Пока Еврибиад оставался у Саламина, несколько новых кораблей, прибывших в Трезен, присоединились к нему. Таким образом, Саламин на время стал главной стоянкой греческого флота, хотя изначально такого намерения не было. [212]

Тем временем Фемистокл и афинские моряки высадились в Фалере и в скорбном молчании вошли в Афины. Как бы мрачно ни выглядели перспективы, разногласий почти не было, [213] а времени на промедление – и того меньше. Власти и народное собрание немедленно издали указ, предписывающий каждому афинянину вывезти свою семью из страны как можно скорее. [с. 108] Можно представить хаос и ужас, охватившие всех после этого неожиданного указа, если учесть, что его нужно было распространить и исполнить по всей Аттике – от Суния до Оропа – менее чем за шесть дней: именно столько времени оставалось до появления Ксеркса у стен Афин, а он мог прибыть и раньше. [214]

Весь греческий флот был задействован для перевозки беспомощных беженцев – в основном в Трезен, где их ждал тёплый приём и поддержка (трезенцы, по-видимому, были полуионийцами и имели давние религиозные и торговые связи с Афинами). Некоторые направлялись на Эгину, но многие не могли или не хотели плыть дальше Саламина. Фемистокл убеждал страдающих, что они лишь следуют оракулу, велевшему покинуть город и искать спасения за «деревянными стенами». Его политика, а также общая подавленность способствовали распространению слухов, будто даже божественные обитатели акрополя покидают его.

В древнем храме Афины Полиады на акрополе жил (или считалось, что жил) священный змей – хранитель святилища и спутник богини. Ежемесячно для него оставляли медовый пирог, который до сих пор регулярно исчезал. Но теперь жрица объявила, что пирог остался нетронутым: священный страж подал пример, покинув акрополь, и гражданам следовало последовать за ним, уповая на то, что богиня когда-нибудь вернёт им утраченное.

Исход множества стариков, женщин и детей был сценой скорби и отчаяния, уступавшей лишь ужасам реального захвата города. [215] Лишь немногие – слишком бедные, чтобы надеяться на пропитание в изгнании, или слишком старые, чтобы ценить жизнь, – уверовавшие в своё толкование [216] «деревянных стен» (которые Пифия назвала неприступными), заперлись на акрополе вместе с храмовыми служителями, забаррикадировав вход деревянными дверями и частоколом. [217]

Когда читаешь о страданиях населения Аттики почти полвека спустя, вынужденного искать спасения за мощными стенами Афин в начале Пелопоннесской войны, [218] можно лишь смутно представить, насколько ужаснее была участь этих беженцев, бежавших от всеограшающей силы Ксеркса в неизвестность. Мало кто надеялся, [с. 110] что когда-нибудь вернётся домой – разве что в цепях.

В условиях столь бедственных и угрожающих ни воины, ни вожди Афин не утратили своей энергии – как мускулы, так и дух были напряжены до высочайшего предела человеческой решимости. Политические раздоры были приостановлены: Фемистокл предложил народу

декрет и получил его одобрение, призывая вернуться всех, кто был осужден на временное изгнание. Более того, он не только включил в их число, но и особо указал среди них своего великого противника Аристида, находившегося уже на третьем году ostracism. Ксантипп, обвинитель, и Кимон, сын Мильтиада, разделяли ту же участь изгнанников: последний, записанный по своему имущественному положению в число всадников государства, был замечен со своими товарищами, бодро марширующими через Керамик, чтобы посвятить свои уздечки на акрополе и взять взамен некоторые из священных доспехов, там висевших, подавая таким пример готовности служить на корабле вместо службы верхом. [219]

Было совершенно необходимо раздобыть денежные средства, отчасти для помощи беднейшим изгнанникам, но в еще большей степени для оснащения флота; в общественной казне не было средств – но Ареопаг, состоявший тогда в значительной степени из представителей зажиточных классов, приложил всю свою публичную власть, а также личные взносы и пример для других, [220] и таким образом удалось собрать сумму в восемь драхм на каждого воина.

Эта своевременная помощь отчасти была получена благодаря неисчерпаемой изобретательности Фемистокла, который в спешке посадки либо обнаружил, либо сделал вид, что голова Горгоны со статуи Афины пропала, и на этом основании приказал обыскать багаж каждого, сделав любые сокровища, которые частные граждане могли вывозить, доступными для общественной службы. [221] Благодаря самым решительным усилиям эти несколько важных дней оказались достаточными, чтобы вывезти все население Аттики – тех, кто был годен к военной службе, к флоту на Саламине, [с. 111] остальных – в места убежища, вместе с тем имуществом, которое позволяли обстоятельства. Заброшенность страны была столь полной, что войско Ксеркса, став хозяином положения, не смогло захватить и увести более пятисот пленных. [222] Более того, сам флот, частично поврежденный при возвращении с Артемисия, был быстро отремонтирован, так что к прибытию персидского флота он снова был в состоянии, пригодном для боя.

Собравшийся теперь у Саламина объединенный флот состоял из трехсот шестидесяти шести кораблей – силы, значительно превосходящей ту, что была при Артемисии. Из них не менее двухсот были афинскими; однако двадцать из них были предоставлены халкидянам и укомплектованы их экипажами. Сорок коринфских кораблей, тридцать эгинских, двадцать мегарских, шестнадцать лакедемонских, пятнадцать сикионских, десять эпидаврских, семь от Амбракии и столько же от Эретрии, пять от Трезена, три от Гермियोны и столько же от Левкады; два с Кеоса, два из Стиры и один с Китноса; четыре с Наксоса, отправленные как контингент для персидского флота, но приведенные по выбору своих капитанов и моряков к Саламину – все эти триеры вместе с небольшой эскадрой более мелких судов, называемых пентеконтерами, составили общую численность. Из великих греческих городов Италии прибыла лишь одна триера, добровольческое судно, снаряженное и управляемое знаменитым гражданином по имени Фаилл, трижды победителем на Пифийских играх. [223] Таким образом, весь флот был чуть больше объединенных сил в триста пятьдесят восемь кораблей, собранных малоазийскими греками при Ладе пятнадцатью годами ранее, во время Ионийского восстания. Однако мы можем усомниться, не является ли эта цифра, заимствованная у Геродота, завышенной по сравнению с той, что действительно сражалась вскоре после этого в битве при Саламине и которую Эсхил определенно указывает как состоящую из трехсот кораблей, не считая десяти отборных судов. Этот великий поэт, сам участвовавший в битве и говорящий в драме, поставленной всего через семь лет после сражения, является в данном вопросе более надежным источником, чем даже Геродот. [224]

[с. 112] Едва флот собрался у Саламина, а афинское население было эвакуировано, как Ксеркс со своим войском опустошил покинутые земли, а его флот занял Фалерскую гавань и прилегающее побережье.

Его сухопутные силы начали движение под руководством фессалийцев через два-три дня после битвы при Фермопилах, и некоторые аркадцы, явившиеся наняться на службу, заверили его, что пелопоннесцы в тот самый момент заняты празднованием Олимпийских игр.

– Какую награду получает победитель? – спросил он.

Услышав в ответ, что наградой является венок из дикой оливы, Тритантехм, сын дяди царя Артабана, как говорят, воскликнул – несмотря на недовольство самого монарха и присутствующих:

– Боги! Мардоний, что это за люди, против которых ты нас привел сражаться! Люди, которые соревнуются не ради денег, а ради чести! [225]

Были ли эти слова действительно произнесены или это драматическая иллюстрация, придуманная кем-то из современников Геродота, – в любом случае они интересны как отражение характерной черты эллинской жизни, которая контрастирует не только с нравами современных им восточных народов, но даже с обычаями самих греков в более ранние, гомеровские времена.

Из всех греков между Фермопилами и границами Аттики только фокейцы отказались подчиниться – и то лишь потому, что доминирующее влияние их заклятых врагов, фессалийцев, лишило их надежды на благоприятные условия. [226] Они даже не стали слушать предложение фессалийцев, которые, хвастаясь, что могут направлять ужасы персидского войска по своему усмотрению, предложили обеспечить мягкое обращение с землями Фокиды при условии выплаты им пятидесяти талантов. [227]

После того как предложение было с негодованием отвергнуто, они провели Ксеркса через небольшую территорию Дориды (которая перешла на сторону персов и избежала разграбления) в верхнюю долину Кефиса, [с. 113] где находились города непокорных фокейцев. Все они оказались покинутыми: жители заранее бежали либо на обширные вершины Парнаса, называемые Тифореей, либо еще дальше, через гору, в земли озольских локров. Десять или двенадцать небольших фокейских городов, наиболее значительными из которых были Элатея и Гиамполис, были разграблены и разрушены захватчиками. Даже священный храм и оракул Аполлона в Абах не избежали участи остальных: все его сокровища были разграблены, а затем он был сожжен.

Из Панопея Ксеркс отправил отряд для разграбления Дельф, а сам с основными силами двинулся через Беотию, где все города покорились добровольно, кроме Феспий и Платей. Оба города были покинуты жителями, и оба были сожжены. Оттуда он повел свою армию в оставленную Аттику, без сопротивления достигнув подножия афинского акрополя. [228]

Совершенно иной была судьба отряда, отправленного из Панопея против Дельф: здесь Аполлон защитил свой храм куда решительнее, чем в Абах. Жадность персидского царя подогревалась рассказами о несметных богатствах, накопленных в Дельфах, особенно о щедрых дарах Креза.

Дельфийцы, в крайнем страхе, спасая себя на вершинах Парнаса, а свои семьи переправляя через залив в Ахайю, обратились к оракулу с вопросом: следует ли им унести или закопать священные сокровища. Аполлон велел им оставить сокровища нетронутыми, заявив, что сам способен позаботиться о своем имуществе.

Только шестьдесят дельфийцев осмелились остаться вместе с религиозным главой Акератом. Но вскоре появились знамения сверхъестественной помощи, чтобы ободрить их. Священные доспехи, висевшие во внутреннем святилище, к которым ни одна человеческая рука не смела прикоснуться, оказались лежащими перед дверью храма.

А когда персы, двигаясь по дороге Схисте, по крутому пути под отвесными скалами Парнаса, ведущему к Дельфам, достигли храма Афины Пронои – внезапно раздался ужасающий гром. Две огромные каменные глыбы сорвались и с оглушительным грохотом обрушились [с. 115] на них, раздавив многих насмерть. Из храма Афины также раздался боевой клич.

Охваченные паническим ужасом, захватчики повернули назад и бежали, преследуемые не только дельфийцами, но и, как они сами утверждали, двумя воинами сверхчеловеческого роста с губительным оружием. Торжествующие дельфийцы подтвердили этот рассказ, добавив, что этими помощниками были герои Филлак и Автоной, чьи священные участки находились поблизости. Сам Геродот, посетив Дельфы, видел на священной земле Афины те самые каменные глыбы, что обрушились на персов. [229] Так бог отразил этих захватчиков от своего святилища и сокровищ в Дельфах, которые оставались неприкосновенными ещё сто тридцать лет, пока их не разграбили святотатственные руки фокидянина Филомела. В тот раз, как будет видно далее, истинными защитниками сокровищ стали победители при Саламине и Платеях.

Прошло четыре месяца с момента выхода из Азии, когда Ксеркс достиг Афин – конечной точки своего продвижения. С ним были члены рода Писистратидов, которые, несомненно, уже считали своё возвращение неизбежным, а также несколько афинских изгнанников, поддерживавших их интересы. Хотя страна была полностью покинута, горстка людей, собравшихся в акрополе, осмелилась бросить ему вызов. Никакие уговоры [стр. 116] Писистратидов, стремившихся уберечь священное место от разграбления, не смогли убедить их сдаться. [230]

Афинский акрополь – скалистый утёс, круто поднимающийся на высоту около ста пятидесяти футов, с плоской вершиной длиной примерно тысяча футов с востока на запад и шириной пятьсот футов с севера на юг – имел единственный доступ только с западной стороны. [231] Более того, на всех участках, где существовала хоть какая-то возможность подъёма, он был защищён древней крепостной стеной, называемой Пеласгической. Вынужденные брать крепость силой, персидские войска окружили её с северной и западной сторон и начали атаку с возвышенности, примыкающей к северо-западу, – Ареопага. [232] Оттуда они обстреливали (если можно так выразиться) деревянные укрепления перед воротами раскалёнными снарядами – то есть осыпали их тучами стрел с горящей паклей. Деревянные палисады и заграждения вскоре загорелись и сгорели дотла. Но когда персы попытались подняться на штурм по западной дороге, ведущей к воротам, неустрашимый маленький гарнизон продолжал сдерживать их, скатывая вниз огромные камни.

Какое-то время казалось, что Великому царю придётся прибегнуть к медленной осаде. Однако в конце концов несколько отчаянных воинов из числа осаждающих попытались взобраться на отвесную скалу с северной стороны, возле храма (или часовни) Аглавры, которая располагалась почти напротив персидских позиций, но позади ворот и западного подъёма. Здесь скала была настолько неприступной от природы, что [стр. 117] оставалась совершенно без охраны и даже, по-видимому, без укреплений. [233] К тому же всё внимание маленького гарнизона было сосредоточено на войске у ворот. Таким образом, отдельной группе штурмующих удалось незамеченными достичь вершины и оказаться в тылу защитников. Те, лишённые последней надежды, либо бросались вниз со стен, либо искали спасения во внутреннем святилище.

Успешные штурмовики открыли ворота всей персидской армии, и вскоре акрополь полностью оказался в их руках. Его защитники были перебиты, храмы разграблены, а все постройки – священные и мирские – преданы огню. [234]

Афинская цитадель неожиданно перешла в руки Ксеркса, почти так же, как Сарды некогда оказались во власти Кира. [235]

Так исполнилось божественное предсказание: Аттика полностью перешла к персам, и пожар Сард был отомщён на родине и цитадели их захватчиков, а также на их священном храме в Элевсине. Ксеркс немедленно отправил в Сузы известие об этом событии, которое, как говорят, вызвало безмерные проявления радости, казалось бы, опровергая мрачные предсказания его дяди Артабана. [236]

На следующий день афинские изгнанники из его свиты получили приказ или, возможно, разрешение отправиться принести жертвы среди развалин акрополя и, если возможно, иску-

пить осквернение этой земли. Они обнаружили, что священная маслина возле храма Эрехтея, особый дар богини Афины, хотя и сгорела дотла в недавнем пожаре, уже выпустила свежий побег длиной в один локоть – по крайней мере, благочестие восстановленных Афин впоследствии поверило в это ободряющее знамение, [237] как и в то, что, по словам Дикея, афинского спутника Писистратидов, было увидено на Фриасийской равнине.

Тогда был день, отведённый для празднования Элевсинских мистерий, и хотя в этот скорбный год не было никаких торжеств, да и афинян на этой территории не осталось, Дикей всё же вообразил, что видит пыль и слышит громкое многоголосое пение, обычно сопровождавшее процессию из Афин в Элевсин в обычные времена. Он даже хотел сообщить об этом Ксерксу, но Демарат удержал его. Однако и он, и Геродот истолковали это как знак того, что сами богини покидают Элевсин, чтобы помочь афинянам при Саламине.

Но что бы ни принималось в последующие времена, в тот день никто не мог поверить в скорое возрождение покорённых Афин как свободного города – даже если бы он видел знамение сгоревшей маслины, внезапно пустившей побег с неестественной силой. Положение афинян казалось тогда безнадежным как для их союзников, собравшихся на Саламине, так и для победоносных персов.

Примерно во время захвата акрополя персидский флот также благополучно прибыл в Фалерскую бухту, усиленный кораблями из Кариста и с различных островов Киклад, так что Геродот оценивает его численность как равную той, что была до ужасного шторма у мыса Сепиас, – оценка, конечно, недостоверная. [238]

[стр. 119] Вскоре после своего прибытия Ксеркс лично спустился к берегу, чтобы осмотреть флот, а также посоветоваться с различными морскими командирами о целесообразности атаки вражеского флота, который теперь находился так близко к нему в узком проливе между Саламином и берегами Аттики. Он пригласил всех занять места на собрании, где царь Сидона занял первое место, а царь Тира – второе. Вопрос был поставлен перед каждым из них отдельно Мардонием, и когда мы узнаём, что все высказались за немедленное сражение, можно быть уверенным, что твёрдое мнение самого Ксеркса должно было быть им заранее известно. Лишь одно исключение нарушило это единодушие – Артемисия, царица Галикарнаса в Карии, в уста которой Геродот вкладывает пространную речь, осуждающую саму мысль о сражении в узком Саламинском проливе. Она предсказывала, что если сухопутные войска двинутся вперёд для атаки Пелопоннеса, пелопоннесцы с флота у Саламина вернутся для защиты своих домов, и таким образом флот распадётся, тем более что на острове было мало или вообще не было продовольствия. Кроме того, она выражала безмерное презрение к боеспособности персидского флота и моряков по сравнению с греческими, а также к союзным контингентам Ксеркса в целом.

Нет причин сомневаться, что царица Артемисия дала этот благоразумный совет, и историк из Галикарнаса мог располагать сведениями о доводах, на которых основывалось её мнение. Однако трудно поверить, что она могла публично высказать такую оценку морских подданных Персии – оценку, не только оскорбительную для всех, кто её слышал, но и в тот момент несправедливую, хотя ко времени написания труда Геродота она стала ближе к истине, [239] и, возможно, сама Артемисия [стр. 120] со временем пришла к такому убеждению. Какими бы ни были её причины, историк сообщает, что как друзья, так и соперники были поражены её безрассудством, отговаривая царя от морского сражения, и ожидали, что её казнят. Однако Ксеркс выслушал совет с совершенным спокойствием и даже стал ещё больше уважать карийскую царицу, хотя решил, что следует действовать согласно мнению большинства – или своему собственному. Соответственно, был отдан приказ атаковать на следующий день, [240] в то время как сухопутные войска должны были двинуться в сторону Пелопоннеса.

Пока на берегу Фалерона всемогущая воля навязывала мнимое единодушие и исключала любое настоящее обсуждение, соседнее греческое войско у Саламина представляло собой пол-

ную противоположность: среди его участников царили безмерные разногласия. Уже упоминалось, что греческий флот изначально собрался на этом острове не с целью сделать его морской базой, а лишь для прикрытия и помощи в эвакуации афинян. После выполнения этой задачи и с прибытием Ксеркса в Аттику Эврибиад созвал вождей, чтобы обсудить наиболее подходящую позицию для морского сражения. Большинство из них, особенно пелопоннесцы, были против пребывания у Саламина и предлагали перевести флот к Коринфскому перешейку, где он мог бы поддерживать непосредственную связь с пелопоннесскими сухопутными силами. В случае поражения на море корабли могли найти защиту на берегу, а люди – присоединиться к сухопутным войскам, тогда как в случае неудачи в морском сражении у Саламина они оказались бы заперты на острове без надежды на спасение. [241]

В разгар дебатов прибыл гонец с известием о захвате и сожжении Афин и их акрополя персами. Эта новость вызвала такой ужас, что некоторые вожди, не дожидаясь окончания обсуждения и финального голосования, тут же покинули совет и начали поднимать паруса или готовить гребцов к отплытию. Большинство проголосовало [стр. 121] за перемещение к перешейку, но поскольку приближалась ночь, фактическое отплытие было отложено до следующего утра. [242]

Теперь ощущалась нехватка позиции, подобной Фермопилам, которая служила защитой для всех греков одновременно, предотвращая рост разрозненных страхов и интересов. Неудивительно, что пелопоннесские вожди – особенно коринфяне, выставившие столь значительный флот, и на чьей территории, казалось, должно было произойти сухопутное сражение на Истме – проявляли такое упорное нежелание сражаться при Саламине и настаивали на отступлении к позиции, где в случае морского поражения они могли бы получить поддержку от своих сухопутных сил и, в свою очередь, помочь им.

С другой стороны, Саламин был не только наиболее выгодной позицией для уступающего в численности греческого флота благодаря узкому проливу, но и его оставление грозило разрушить единство союзного флота: Мегары и Эгина остались бы без прикрытия, и их контингенты немедленно отступили бы для защиты своих земель – в то время как афиняне, чьи изгнанные семьи в значительной части находились на Саламине и Эгине, также оказались бы отвлечены от совместных действий у Истма. Если бы флот переместился туда, даже сами пелопоннесцы, вероятно, не остались бы единым целым: эскадры Эпидавра, Трезена, Гермियोны и других городов, опасаясь, что персидский флот может высадиться у их берегов, разошлись бы по домам, несмотря на усилия Еврибиада удержать их вместе.

Таким образом, приказ покинуть Саламин и отступить к Истму был равносителен приговору для всей объединённой морской обороны, что делало его вдвойне ненавистным для тех, кто, как афиняне, эгинеты и мегарцы, был вынужден цепляться за защиту Саламина ради собственного спасения. Несмотря на все возражения, включая протесты Фемистокла, упорное решение пелопоннесских вождей возобладало, и каждый отправился на свой корабль, готовясь к отступлению на следующее утро.

Когда Фемистокл вернулся на свой корабль, подавленный этим решением и необходимостью организовать эвакуацию афинских изгнанников с острова, а также подготовить эскадру к отплытию, он встретил своего друга афинянина Мнесифила, который спросил его, какое решение принял совет вождей. О Мнесифиле, известном как мудрый и практичный политик, к сожалению, сохранилось мало сведений, но, несомненно, это был неординарный человек, если молва – правдиво или нет – приписывала ему роль вдохновителя Фемистокла.

Узнав о принятом решении, Мнесифил разразился протестом, предрекая полную гибель в случае его исполнения: вскоре не останется ни единого флота для сражения, ни общей цели и родины, за которую стоило бы сражаться. [243] Он горячо убеждал Фемистокла вновь поднять вопрос и сделать всё возможное, чтобы отменить решение об отступлении и принять новое – остаться и дать бой при Саламине.

Фемистокл уже безуспешно пытался отстоять эту точку зрения, но, несмотря на упадок духа из-за неудачи, доводы уважаемого друга так сильно на него повлияли, что он решил возобновить попытки. Он немедленно отправился на корабль Еврибиада, попросил разрешения поговорить с ним и, получив приглашение на борт, в частной беседе изложил все аргументы заново, настаивая на своём с ещё большей силой. В этом разговоре тет-а-тет можно было говорить откровеннее, чем на совете вождей, которых оскорбило бы прямое указание на то, что они, вероятно, покинут флот, как только тот оставит Саламин.

Благодаря этой доверительной беседе Фемистоклу удалось частично переубедить Еврибиада и даже добиться созыва нового совета. Едва совет собрался, ещё до того, как Еврибиад успел объяснить его цель и начать обсуждение, Фемистокл обратился к каждому из вождей по отдельности, изливая свои опасения по поводу оставления Саламина. Коринфянин Адеймант прервал его, сказав:

- Фемистокл, тех, кто на состязаниях выступает прежде сигнала, бичуют.
- Верно, – ответил афинянин, – но те, кто выступает после сигнала, не получают венков.

[244]

Еврибиад тогда объяснил собранию, что в его душе зародились сомнения, и он созвал их, чтобы пересмотреть прежнее решение. Тогда Фемистокл начал дебаты, горячо доказывая необходимость сражаться в узком проливе у Саламина, а не на открытых водах у Истма, а также защищать Мегару и Эгину. Он утверждал, что морская победа при Саламине будет не менее эффективна для защиты Пелопоннеса, чем если бы она произошла у Истма, тогда как отвод флота к последнему лишь привлечет персов за собой. Он также не забыл упомянуть, что у афинян есть пророчество, обещающее им победу на их собственном острове.

Однако его речь мало впечатлила пелопоннесских вождей, которые даже разозлились из-за того, что их снова созвали, чтобы пересмотреть уже принятое решение – решение, которое они считали жизненно важным для своей безопасности. Особенно ярко это раздражение проявилось у коринфянина Адейманта, чей гнев прорвался наружу. Он резко осудил самоуверенность Фемистокла и приказал ему замолчать как человеку, который больше не представляет свободный греческий город – ведь Афины уже во власти врага. Более того, он заявил, что Еврибиад не имеет права учитывать голос Фемистокла, пока тот не представит свидетельства от какого-либо свободного города, уполномочивающего его выступить на собрании.

Эта неблагоприятная и безумная атака на лидера, командовавшего более чем половиной всего флота, показала неудержимое нетерпение коринфян увести флот к своему Истму. В ответ Фемистокл резко возразил, напомнив им, что, имея под своим началом двести хорошо укомплектованных кораблей, он может где угодно обрести город и земли не хуже, а то и лучше Коринфа.

Но теперь он ясно видел, что убеждать доводами бесполезно, и единственное, что работает, – язык прямой угрозы. Обратившись лично к Еврибиаду, он сказал:

«Если ты останешься здесь и будешь сражаться храбро, всё обернется хорошо. Но [р. 125] если не останешься, ты погубишь Элладу. Ведь все наши военные силы сосредоточены в наших кораблях. Послушайся меня. Если нет – мы, афиняне, отправимся с нашими семьями на кораблях в Сирию в Италию, который издревле принадлежит нам и куда, согласно пророчествам, мы однажды должны переселиться. Тогда вы, вожди, оставшись без таких союзников, как мы, вспомните мои слова».

Еврибиад уже был почти убежден красноречивыми доводами Фемистокла, но эта прямая угроза окончательно склонила его решение и, вероятно, заставила замолчать даже коринфян и пелопоннесских противников – ведь было слишком очевидно, что без афинян флот бессилен. Однако он не стал снова ставить вопрос на голосование, а сам отменил прежнее решение и приказал остаться у Саламина для боя.

Все подчинились этому приказу, хотели они того или нет. [246] На следующий день они готовились к битве вместо отступления, призывая защиту и поддержку саламинских героев-Эакидов – Теламона и Аякса. Они даже отправили триеру на Эгину, чтобы умолять самого Эака и других Эакидов о помощи.

Похоже, в тот же день Ксеркс также принял решение сражаться при Саламине: к концу дня его флот пришёл в движение, готовясь к атаке на следующее утро.

Но пелопоннесцы, хотя и не решаясь послушаться приказа спартанского адмирала, всё ещё не избавились от прежних страхов и нежелания сражаться, которые вскоре вновь взяли верх над грозными угрозами Фемистокла и ещё более усилились из-за вестей с Истма. Посланцы оттуда описывали трепет и ужас своих оставшихся сородичей, строивших поперечную стену для отражения ожидаемого вторжения с суши. Почему они [стр. 126] не были там же, чтобы объединить силы и помочь в обороне – пусть даже разбитые на море, но хотя бы на суше – вместо того чтобы тратить усилия на защиту Аттики, уже захваченной врагом? Такие жалобы передавались из уст в уста, сопровождаясь горькими упреками в адрес безумия Эврибиада. В конце концов, общее недовольство вылилось в открытый и мятежный протест, и потребовался новый совет военачальников, который был немедленно созван. [247]

На нём разгорелись те же яростные споры, и вновь вспыхнули непримиримые разногласия: пелопоннесские вожди требовали немедленного отступления, тогда как афиняне, эгинеты [248] и мегарцы настаивали на том, чтобы остаться и дать бой. Фемистокл видел, что большинство голосов среди военачальников будет против него, несмотря на приказы Эврибиада, и катастрофический кризис, грозивший лишить Грецию всякой объединённой морской защиты, казался неминуемым. Тогда он прибег к последней хитрости, чтобы предотвратить бегство, сделав его невозможным. Под благовидным предлогом покинув совет, он отправил верного гонца через пролив с тайным посланием к персидским военачальникам.

Его раб Сикинн – по-видимому, греко-азиатского происхождения, [249] понимавший персидский язык и, возможно, проданный в рабство во время недавнего Ионийского восстания, но чьи выдающиеся качества подтверждались тем, что ему было доверено воспитание детей господина – должен был тайно сообщить персам от имени Фемистокла, якобы сочувствующего их успеху, что греческий флот [стр. 127] не только охвачен величайшим страхом и готовится к бегству, но и раздираем яростными раздорами, так что его части скорее станут сражаться друг против друга, чем против общего врага. Персам, добавлялось в послании, представляется великолепная возможность: если они не замедлят ею воспользоваться, то смогут сначала окружить греков и отрезать им путь к отступлению, а затем атаковать разобщённые силы, многие из которых при начале боя открыто перейдут на сторону персов. [250]

Такова была важная депеша, отправленная Фемистоклом через узкий пролив (в самом узком месте – всего четверть мили шириной), отделяющий Саламин от материка, где стоял враг. Она была передана с таким искусством, что произвела именно то впечатление, которое он хотел создать, и последовавшая за этим блистательная победа позволила считать её великолепной военной хитростью. Но в случае поражения его имя покрылось бы позором. Больше всего поражает то, что, получив за это величайшие почести от греков как за гениальную уловку, он впоследствии, в годы изгнания, [251] выдавал это за важную услугу персидскому царю. Учитывая отчаянное положение греков в тот момент, вполне вероятно, что именно возможность двоякого толкования отчасти побудила его отправить это послание.

По-видимому, оно было доставлено Ксерксу вскоре после того, как он отдал приказ о сражении на следующее утро. Царь с таким жаром ухватился за этот план, что приказал своим военачальникам в течение ночи [252] закрыть выходы из Саламинского пролива как с севера, так и с юга от города Саламин, под страхом смерти, если грекам оставят хоть малейшую лазейку для бегства. Многочисленный персидский флот стоял вдоль побережья Аттики: его главные силы находились в Фалерской бухте, но часть кораблей, несомненно, занимала три естествен-

ные гавани (ещё не улучшенные искусством), принадлежавшие дему Пирея, а возможно, простиралась и дальше вдоль западного побережья к югу от Фалера. Греческий же флот находился в гавани города Саламин, на части острова, обращённой к горе Эгалеос в Аттике.

В течение ночи [253] часть персидского флота, выйдя из Пирея и двигаясь на север вдоль западного побережья Аттики, замкнула северный выход из пролива со стороны Элевсина, тогда как другая часть перекрыла южный проход между Пиреем и юго-восточной оконечностью острова, высадив отряд войск на пустынном островке Пситталия близ этого мыса. [254] [стр. 129] Все эти меры были предприняты ночью, чтобы предотвратить ожидаемое бегство греков и на следующее утро атаковать их в узком проливе прямо у их гавани.

[стр. 130] Тем временем ожесточенный спор среди греческих военачальников, в разгар которого Фемистокл отправил своего тайного посланника, продолжался без ослабления и без решения. Афинскому стратегу было выгодно затягивать дебаты и не допускать окончательного голосования, пока эффект его хитрости не сделает отступление невозможным. Затянуть обсуждение было нетрудно в столь критической ситуации, где большинство военачальников было на одной стороне, а большинство флота – на другой, тем более что Еврибиад сам склонялся к точке зрения Фемистокла. Таким образом, к закату дебаты еще не завершились и либо продолжались всю ночь, либо были отложены до рассвета следующего утра, когда произошел инцидент, столь же интересный, сколь и важный, придавший дискуссии новый оборот. Остракизованный Аристид прибыл на Саламин с Эгины.

После отмены его изгнания, предложенной самим Фемистоклом, у него не было возможности вернуться в Афины, и теперь он впервые присоединился к своим соотечественникам в их вынужденном пребывании на Саламине. Он был осведомлен о разгоревшихся раздорах и о нетерпении пелопоннесцев отступить к Истму. Он первым сообщил новость о том, что такое отступление стало невозможным из-за позиции персидского флота, от которого его собственное судно смогло ускользнуть лишь под покровом ночи. Он велел пригласить Фемистокла из собрания военачальников и после благородного вступления, в котором выразил надежду, что их соперничество отныне будет лишь соревнованием в служении общей родине, сообщил ему, что новый маневр персов лишает всякой надежды достичь Истма и делает дальнейшие споры бессмысленными.

Фемистокл выразил радость при этой вести и раскрыл свой тайный замысел, благодаря которому он сам спровоцировал это движение, чтобы пелопоннесские военачальники были вынуждены сражаться при Саламине, даже против своей воли. Кроме того, он попросил Аристида лично пойти в собрание и сообщить новости, ибо если бы они исходили от Фемистокла, пелопоннесцы сочли бы их выдумкой. Их недоверие было настолько упрямым, что они отказались верить даже утверждению Аристида, и лишь когда прибыл корабль с Теноса, перебежчик из персидского флота, они наконец убедились в реальном положении [стр. 131] дел и полной невозможности отступления. Убедившись в этом, они на рассвете приготовились к предстоящей битве. [255]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.